

только полными житіями Филиппа, Аарона и Евстаѳіа; послѣднее даже извѣстно намъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ и въ сиваксарной формѣ. Что касается Гоноріа и Бацалота-Микаэля, то ихъ житія имѣются лишь въ собраніи d'Abbadie ¹⁾ и для насъ недоступны. Объ этомъ нельзя глубоко не пожалѣть: до изданія ихъ наши выводы объ этой эпохѣ не могутъ претендовать на безусловность. Къ этимъ тремъ житіямъ мы присоединяемъ обзоръ житій другихъ святыхъ XIV вѣка и, съ оговорками, привлекаемъ къ этому же періоду сказаніе о жизни и чудесахъ Габра-Эндреаса.

V.

ВРЕМЯ „ГОНЕНІЯ“.

При царѣ Амда-Сіонѣ, какъ извѣстно уже изъ краткой редакціи Аксумской хроники, представители церкви возвысили свой голосъ противъ незаконнаго поступка царя. Этотъ рѣдкій въ исторіи восточныхъ церквей фактъ былъ причиной гоненія главнымъ образомъ на дабра-либаносское монашество, изъ среды котораго вышли благородные ревнители христіанской нравственности въ это время одичанія. Ревность эта, конечно, сдѣлала ихъ первыми исповѣдниками Эѳіопіи и сохранила о нихъ память въ церкви и исторіи. Кромѣ краткаго разсказа хроники, сохранился цѣлый циклъ житій церковныхъ дѣятелей этого времени: Филиппа, второго преемника Такла-Хайманота по дабра-либаносскому настоятельству, Гоноріа (Anogēwos), одного изъ 12 его „рукоположенныхъ“ (neburāna ḗd) ¹⁾, аввъ: Бацалота-Микаэля, Аарона Дивнаго и современника ихъ знаменитаго аввы Евстаѳіа. Изъ нихъ мы располагаемъ

¹⁾ Neburāna-ḗd вовсе не „administrateurs laiques“, какъ то думаетъ Зотанберъ (Catal. p. 205). Терминъ соотвѣтствуетъ нашему „намѣстникъ“ въ первоклассныхъ монастыряхъ. Эти намѣстники, соотвѣтствующіе мамхерамъ житій, были представителями монашеской конгрегаціи въ провинціяхъ.

Филиппъ Дабра-Либаносскій.

Житіе второго преемника Такла-Хайманота имѣется въ единственной рукописи Orient. 728 Британскаго Музея, гдѣ оно занимаетъ послѣднія 49 листовъ; начало книги посвящено житію Такла-Хайманота. Написанъ этотъ экземпляръ не ранѣе XVIII вѣка—въ этомъ убѣждаетъ какъ палеографія, такъ стиль и подробности многочисленныхъ интересныхъ иллюстрацій ²⁾. Но житіе выдаетъ себя за произведеніе еще

¹⁾ Gadl Гоноріа № 43 по Catalogue raisonné (p. 51) 49 листовъ и 11 листовъ съ описаніемъ 15 чудесъ; Бацалота-Микаэль тамъ же № 129 (p. 147) житіе въ 70 листовъ. Сюда же относится и „Gadla-Tadewos“ (№ 177, p. 182). Өаддей, родомъ изъ Себта, изъ чадъ Такла-Хайманота, также пострадалъ при Амда-Сіонѣ. См. еще Dillmann, Catal. Mus. Brit. III, p. 5 nota e и p. 45. Zotenberg, Catal. m. Eth., p. 221, 263. Мощи его въ Дабра-Дехуханъ, основанномъ имъ въ Шоа. См. Pereira, Susneyos c. 16, 46, II, 307. Въ той же рукописи, что и житіе Өаддея (55 листовъ), находятся свѣдѣнія о жизни св. Филмона, также уроженецъ Себта.

²⁾ Двѣ изъ нихъ изданы въ статьѣ Budge объ иллюстраціяхъ въ эѳіопскихъ рукописяхъ, помѣщенной во введеніи къ изданію житія Маба-Сіона, но съ невѣрными подписями (Напр. вверженіе святого къ псамъ объяснено: „The saint visited by two lions“ pp. XLIX и LI), и отнесены къ житію Такла-Хайманота. Въ приложеніи къ изданію текста житія вами помѣщены воспроизведенія многихъ изъ этихъ иллюстрацій.

XIV вѣка, такъ какъ въ послѣсловіи авторъ его призываетъ благословеніе святого на „отца нашего Іоанна Кама, потщавшагося о написаніи „его подвиговъ“ много дней спустя по забвеніи ихъ“. Ацма-Руфаэль, расписавшійся подъ этимъ послѣсловіемъ и назвавшій себя „сыномъ“ Іоанна Камы, могъ быть и авторомъ житія и простымъ переписчикомъ, даже не современнымъ этому настоятелю. Что „забвеніе“ подробностей жизни Филиппа дѣйствительно было, въ этомъ отчасти убѣждаетъ насъ характеръ изложенія. До-монастырскій періодъ жизни святого, наименѣе извѣстный монахамъ, уже по самому существу дѣла, изукрашенъ измышленными бесѣдами его, еще мальчика съ законоучителемъ о таинствахъ Св. Троицы, о заблужденіяхъ язычниковъ, о волхвахъ, наполненъ разговорами его съ родителями по поводу убіенія волхва, по вопросу о бракѣ и т. п. Въ дальнѣйшихъ частяхъ житія мы постоянно встрѣчаемъ длинныя отступленія, рѣчи, влагаемыя въ уста дѣйствующихъ лицъ, молитвы, приписываемыя святому, разсужденія автора (напр., его монологъ съ клеветникомъ За-амануэлемъ и т. п.). Все это какъ-будто служить автору для замѣны недостающихъ фактовъ такъ же, какъ и для риторическихъ украшеній и вообще литературныхъ цѣлей. Вообще на литературную сторону житія обращено авторомъ большое вниманіе, и въ этомъ отношеніи многія мѣста его труда удалась весьма недурно и представляютъ интересъ, особенно вступленіе, послѣсловіе и, напр., такія вставки, какъ притча о зайцѣ и землѣ (f. 195 г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ повѣствованіе опирается о мѣстныхъ преданія (напр., f. 194 г.). Кто бы ни былъ авторъ житія, несомнѣнно то, что оно стоитъ въ тѣсной связи съ дабра-либаносскимъ житіемъ Такла-Хайманота; вступленіе, представляющее восторженное обращеніе къ этой обители, повторяетъ въ почти буквальныхъ выраженіяхъ тѣ свидѣтельства объ особенномъ благодатномъ дѣйствіи на нее Духа Святаго, которыя житіе Такла-Хайманота вла-

гаетъ въ уста монаховъ пустыни Вали и патріарха Матѳея¹⁾. Оба житія дѣлятся на главы (mē'ēgāf); кромѣ того житіе Такла-Хайманота даетъ свѣдѣнія и о Филиппѣ, согласныя съ пространнымъ житіемъ послѣдняго. Въ виду интереса, которое оно представляетъ какъ съ исторической, такъ и съ литературной стороны, мы рѣшились дать въ приложеніи къ настоящему труду его полный переводъ; здѣсь для сравненія приводимъ два мѣста изъ дабра-либаносскаго житія Такла-Хайманота, повѣствующія о Филиппѣ.

*Глава 101*²⁾. Пришелъ одинъ отрокъ, чтобы сѣсть подъ сѣнь отца нашего святого Такла-Хайманота. Придя къ ученикамъ его, онъ просилъ ихъ сказать о себѣ отцу нашему святому Такла-Хайманоту. Тѣ сидѣли, занимаясь своимъ рукодѣліемъ и сказали ему: «обожди немного, пока мы доложимъ отцу нашему», и возвратившись, забыли о немъ. Въ полночь сказалъ святой Такла-Хайманотъ ученикамъ своимъ: «почему вы забыли объ отрокѣ, который пришелъ ко мнѣ, и не доложили мнѣ объ его приходѣ?» И выйдя, они нашли этого отрока благополучнымъ тамъ, гдѣ оставили его наканунѣ, и ввели къ отцу нашему святому Такла-Хайманоту. Когда тотъ увидалъ его, полюбилъ его весьма и, спустя немного, облекъ его одѣяніемъ монашества. И онъ былъ соревнователемъ его подвиговъ и шель по пути его. Отрокъ, о которомъ мы говоримъ — отецъ нашъ Филиппъ.

*Глава 112*³⁾. Ученики его поступили по его повелѣнію и посадили отца нашего Филиппа на сѣдалище отца нашего святого Такла-Хайманотъ. И пустыня получила благодать сію, ибо на ней явилось величіе праведности отца нашего Такла-Хайманота, и изъ нея вышло 12 пастырей христіанскихъ, которые управили путь слова истины и умножили ученіе вѣры, и проповѣдывали въ многихъ странахъ. Они родили вѣрныхъ, подобныхъ агнцамъ и стадо доброе, умножавшееся на пажитяхъ ихъ и пасшееся добрѣ на лугахъ ихъ. И сдѣлали они землю Шоа увѣччанной вѣрой. И сей отецъ нашъ Филиппъ былъ имъ глава апостольскій по повелѣнію митрополита и по повелѣнію царя. И посему заповѣдалъ онъ кадить гробъ

¹⁾ См. стр. 92 сл.

²⁾ Рукоп. 137 Париж. Нац. Библ. f. 90 v.

³⁾ Ibid. f. 98.

отца ихъ по очереди, и они творили память его любовію, собравшись изъ странъ своихъ. И пастыръ намъ иной не былъ поставленъ во всѣхъ областяхъ Шоа и Дамота, который не былъ изъ дома отца нашего святого Такла-Хайманота. Такъ было установлено заклѣтіемъ во дни отца нашего Филиппа архиепископа. Самъ онъ, украсивъ санъ свой дѣяніемъ и вѣрой, сдѣлался мученикомъ за Христа, въ напастяхъ, бичеваніи, узахъ и изгнаніи, пока онъ не почилъ тамъ, куда былъ изгнанъ»...

То, что мы привели изъ житія Такла-Хайманота, прежде всего опровергаетъ заключеніе, которое можно сдѣлать на основаніи словъ Conti Rossini ¹⁾, о томъ, что въ пересказѣ Альмейды нѣтъ ничего о гоненіяхъ при Амда-Сіонѣ, объ отсутствіи упоминанія о немъ и въ добра-либаносской редакціи вообще: этотъ текстъ представляетъ по отношенію къ полному житію Филиппа то же, что синаксарныя сказанія къ соотвѣствующимъ пространствамъ. Мы находимъ здѣсь только, какъ нѣчто новое, замѣтки о просвѣтительной дѣятельности мамхеровъ, поставленныхъ вмѣстѣ съ Филипомъ и о „заклѣтіи“, объявившемъ монополію такла-хайманотовскаго устава въ Шоа и Дамотѣ. Это крайне интересныя подробности.

Переходимъ теперь къ разбору пространнаго житія. Не можетъ быть сомнѣнія, что многія свѣдѣнія, которыя оно намъ сообщаетъ, передаютъ подлинныя факты и опираются на вѣрное преданіе. Что язычество было сильно въ Шоа въ XIII вѣкѣ, что рука объ руку съ нимъ шло господство волхвовъ, для насъ не ново — на это можно найти достаточно указаній и въ житіи Такла-Хайманота. Мы можемъ съ полнымъ довѣріемъ отнести къ разсказу о господствѣ язычества въ области Зема, которую мы и при Такла-Хайманотѣ видѣли въ духовномъ рабствѣ у волхвовъ. Авторъ житія не погрѣшилъ противъ хронологіи, называя обитель Такла-Хайманота Асбо, и область ея — Герарья. Точно также разсказываетъ онъ о настоятельствѣ Елисея и избраніи Филиппа по пророчеству воскресшаго,

¹⁾ Il gadla Takla-Haymanot, p. 48 n. 4.

въ общемъ согласно съ тѣмъ, что говорить о томъ же житіи Такла-Хайманота даже въ вальдебской редакціи: очевидно преданіе объ этомъ было прочно у всѣхъ духовныхъ чадъ этого преподобнаго. Затѣмъ заслуживаютъ довѣрія свѣдѣнія о расширеніи монастыря и литургическихъ установленіяхъ Филиппа — факты такого рода представляютъ необходимыя части монастырскихъ преданій, хотя бы и незаписанныхъ. Насколько вѣрна хронологія житія, полагающая на пресвященствование Іакова семь лѣтъ (f. 187), на промежутокъ до прибытія новаго митрополита Саламы — годъ и три мѣсяца, а изгнаніе Іакова относящая къ началу царствованія Сайфа-Арада, провѣрить по параллельнымъ даннымъ мы не имѣемъ возможности, но полагаемъ, что данныя этого рода также могли быть точны въ монастыряхъ.

Гораздо труднѣе высказать сужденіе о тѣхъ данныхъ нашего памятника, которыя составляютъ его главную часть. Здѣсь прежде всего поражаетъ насъ епископство Филиппа. Неужели онъ былъ единственнымъ абиссиномъ, удостоившимся этого сана? Повидимому, авторъ житія зналъ о небесномъ поставленіи Такла-Хайманота (f. 170). Характерно, что на предложеніе митрополита замѣнить его, Филиппъ отвѣчаетъ не ссылкой на извѣстное соборное постановленіе и даже не на „завѣтъ“ Такла-Хайманота, а указаніемъ на свое недостоинство. По хроникѣ Филиппъ былъ „эчеггѣ“, а это, какъ извѣстно, не епископскій санъ. Да и хиротонія Филиппа во епископа совершена не канонично — не соборомъ епископовъ. Все это заставляетъ насъ усумниться въ разсказѣ житія или, во всякомъ случаѣ, отнести къ нему съ крайней осторожностью. Несомнѣнно, мы имѣемъ дѣло съ повѣствованіемъ о происхожденіи столь важнаго вполнѣдствіи сана эчегге и его одиннадцати намѣстниковъ (nebugāna-ēd) „наставниковъ“ отдѣльныхъ благочинническихъ округовъ эѳіопской епархіи коптской церкви. Въ устахъ архіерея этой епархіи вполнѣ

понятенъ страхъ предъ ея необъятностью; понятно и то, что онъ, привышій къ пространству египетскихъ епархій, могъ сказать: „сія страна больше всѣхъ странъ“ (f. 164 г.); „эта страна—какъ бы двѣ страны“, а также и то, что дѣятельный и рачительный пастырь, каковымъ по всѣмъ признакамъ былъ митрополитъ Іаковъ, долженъ былъ дать такой епархіи-церкви какую-нибудь организацію, при которой ему было бы возможнымъ исполнять свои обязанности не только номинально. Все это понятно и естественно, но едва ли возможно, чтобы коптскій митрополитъ рѣшился дать такую большую власть въ руки эѳіопскаго монаха, да еще въ то время, когда коптская церковь усиленно заботилась о скрѣпленіи узъ, связывающихъ съ ней Эѳіопію. Не представляетъ ли нашъ рассказъ попытки изобразить санъ эчегге къ ореолѣ святительства и въ центрѣ великой борьбы со свѣтскою властью? Если мы обратимся къ другимъ памятникамъ, повѣствующимъ о томъ же, то окажемся въ большомъ затрудненіи предъ рядомъ едва ли согласимыхъ противорѣчій. Житіе Аарона Дивнаго, которое мы помѣщаемъ ниже, докажетъ намъ ясно, какъ эту славную страницу національной церковной исторіи каждый эѳіопскій монастырь утилизировалъ въ свою пользу: въ немъ центромъ движенія послѣ митрополита окажется Бацалота-Микаэль и его ученикъ Ааронъ; Бацалота-Микаэль выступаетъ передовымъ борцомъ и въ житіи Евстаѳіа. Мамхеры-ставленники названы въ житіи Аарона другіе; перечисленные въ родословіяхъ Тахла-Хайманота также не вполне совпадаютъ съ тѣми, о которыхъ мы читаемъ въ житіи Филиппа ¹⁾. Но самое главное это то, что наше житіе противорѣчитъ тому, что даетъ о той же эпохѣ хроника. Вотъ что мы читаемъ въ ней ²⁾:

¹⁾ f. 167; противъ изд. Basset, въ *Apocr. Éth.* VIII, 19 нѣтъ Пахомія (Bakimos), Зена-Маркоса, Самуила, Тасфа-Хедхана; вмѣсто нихъ: Гонорій II (въ Моратѣ, какъ и Зена-Маркосъ), Іоаннъ и Матьянъ.

²⁾ Basset, *Chronique. Journ. As.* VII, 17, p. 324.

„Затѣмъ въ дни его (царя Амда-Сіона) было гоненіе на Дабра-Либаносъ, ибо авва Гонорій цегаджскій отлучилъ госудая Амда-Сіона, когда тотъ взялъ наложницу отца своего. Другіе говорили, что онъ блудодѣйствовалъ съ сестрой своей, а нѣкоторые—что грѣшилъ съ двумя сестрами. И билъ онъ авву Гонорія великимъ бичеваніемъ, пока не сожгли и не истребили царскаго стана капли крови аввы Гонорія, сдѣлавшись пламенемъ огненнымъ ¹⁾. И посему изгнаны были мужи дабра-либаносскіе въ города Дамбіи и Бегамедра. Эчеггѣ Филиппъ былъ изгнанъ изъ Шоа и поселился на Анхо и Гешена, и тамъ сдѣлалъ монахами многихъ людей, въ числѣ ихъ авву Іоанна кебранскаго, авву Тахла-Альфа изъ Дима, авву Такаста-Берхана изъ Дабра-Цотъ—мамхеровъ, которые созидали монастыри отъ Карода до Ферка, половину на островахъ Цана, и половину въ „Бегамедрѣ“ ²⁾.

Итакъ, здѣсь въ центрѣ движенія стоитъ Гонорій, одинъ изъ „мамхеровъ“ и „ставленниковъ“. О немъ рассказывается то же чудо, что мы читали въ житіи Филиппа. Какъ это ни странно, но это такъ. Единственное объясненіе можетъ быть найдено тогда, когда удастся доказать, что царская резиденція въ то время находилась въ области, входившей въ составъ благочинія Гонорія, который въ такомъ случаѣ имѣлъ полное право первый высказать протестъ противъ беззаконій царя. Принадлежность его къ дабра-либаносскому братству навлекла на послѣднее гнѣвъ оскорбленнаго деспота, и главный начальникъ этого братства—эчеггѣ Филиппъ сдѣлался первой жертвой этого гнѣва. Къ сожалѣнію этотъ естественный ходъ вещей можетъ быть установленъ только послѣ того, какъ мы будемъ точно знать мѣсто царской резиденціи. Наше житіе называетъ какой-то городъ Саванъ, мѣстоположеніе

¹⁾ Переводъ Basset въ данномъ мѣстѣ не вѣренъ.

²⁾ Такъ, я думаю, слѣдуетъ читать вмѣсто испорченнаго Babagasar (т.-е. „Babëgamedr“).

котораго опредѣлить мы не въ состояніи. Гонорій упоминается въ житіи Филиппа, какъ спутникъ его и свидѣтель его страданій, но этотъ Гонорій названъ варабскимъ; въ числѣ его мамхеровъ есть еще другой Гонорій; который изъ нихъ соотвѣтствуетъ цегаджскому — неизвѣстно. Затѣмъ мѣстами изгнанія по житію были не Анко и Гешена, т.-е. сѣверъ Ифата и южный берегъ верхняго теченія Башело, а Тигре, Валака, Даваро, оз. Зевай и Дамоть. Кромѣ того, житіе не говоритъ о постриженныхъ имъ монахахъ и лишь вскользь упоминаетъ объ основаніи имъ монастырей. (Напр. въ землѣ Валака f. 195). Изгнаніе дабра-либаносцевъ и поселеніе ихъ въ Дамбибъ и Бегамедрѣ также не рассказано въ житіи; напротивъ, Филиппъ идетъ ко гробу Такла-Хайманота, но монахи боятся принять его, и ему приходится удалиться. Намекъ на разореніе обители можно усматривать развѣ на f. 189, гдѣ безъ связи съ нитью разсказа говорится объ „убитыхъ монахахъ и монахиняхъ“, да въ послѣсловіи, гдѣ авторъ обращается къ святому, прося его о возсозданіи разоренной обители и о возвращеніи разсѣянныхъ чадъ ея. Житіе Такла-Хайманота по вальдебской редакціи, изданной Conti Rossini объ этомъ выражается кратко: „и сдѣлали Филиппа аввой вмѣсто Елисея... и во дни его нашла напасть и изгнаніе, пока онъ не почилъ... Послѣ него былъ поставленъ отецъ нашъ Езекия“... (f. 41 v). При краткости извѣстія трудно сказать, былъ ли изгнанъ и самъ Филиппъ, или ему подверглись только монахи; скорѣе можно склониться къ первому. Кромѣ того, Езекия по разсказу житія былъ поставленъ не послѣ Филиппа, а имъ самимъ еще при жизни.

Не рассказывая о бѣдахъ, постигшихъ дабра-либаносскій монастырь, авторъ нашего житія подробно останавливается на бойняхъ, которыя устраивалъ свирѣпый и самодурный Сайфа-Арадъ въ Косога (f. 194) и которыя едва ли не сильно преувеличены. Перерѣзать 900 тыс. человѣкъ изъ-за разногласія

въ вопросѣ о постѣ въ навечеріе Рождества намъ кажется даже для эеіопскаго царя XIV в. чудовищнымъ и едва-ли исполнимымъ. Это шедшее съ высоты престола обрядовое новшество не оставило слѣда въ другихъ источникахъ, и мы не можемъ ничего сказать о немъ кромѣ того, что отъ абиссинскаго изувѣрства можно ожидать такихъ дикихъ проявленій; послѣдующая исторія не разъ показывала, какъ въ этой странѣ жестокія смуты начинались изъ-за религиозныхъ тонкостей и богословскихъ хитросплетеній. Цари, предлагавшіе и рѣшавшіе церковные вопросы—явленіе въ Абиссиніи вполнѣ обычное, но Сайфа-Арадъ въ хроникѣ выступаетъ не въ томъ видѣ, въ какомъ бы мы ожидали подъ впечатлѣніемъ какъ даннаго житія, такъ и житія Аарона Дивнаго¹⁾. Лѣтописецъ запомнилъ только добрыя дѣла царя: онъ ходилъ за благословеніемъ къ Мадханина-Эгзіэ въ Банкуаль, воевалъ съ мусульманскими владѣтелями Египта за лишеннаго свободы патриарха, наконецъ, въ его царствованіе совершилось перенесеніе мощей Такла-Хайманота. Примирить эти извѣстія можно только предположеніемъ о раскаяніи царя. Дѣйствительно война въ Египтѣ могла быть не ранѣе 11-го года его царствованія (1353), перенесеніе мощей произошло въ 1367 г., бѣдствія же Филиппа и свирѣпства Сайфа-Арада происходили въ первые 3 года и 9 мѣсяцевъ царствованія. Интересно, что и Ааронъ страдалъ отъ этого царя; причиной былъ не обрядовый вопросъ, а клевета; увидавъ, что съ монахами не справиться, царь покаялся.

¹⁾ Что онъ любилъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, и въ этомъ отношеніи былъ настоящимъ предшественникомъ Зара-Якоба, убѣждаетъ насъ и одинъ изъ изданныхъ недавно Conti Rossini документовъ тиграйскаго Дабра-Либаноса. Царь издаетъ отъ своего имени и отъ имени митрополита Саламы предписаніе о недопущеніи въ монастырь женщинъ. Себя и митрополита онъ называетъ „главой пастырей“. См. L'evangelo d'oro di D. Libanos. *Rendiconti* Ac. Linc. X, 5, 6. p. 216. См. также мою замѣтку по поводу этой статьи въ *Зап. Вост. Отд. Арх. Общ.*, т. XIV.

Въ спискѣ митрополитовъ по редакціи, названной проф. Guidi первой, Іаковъ стоитъ на 12 мѣстѣ съ помѣткой: „который вернулся въ Іерусалимъ“, „Вернулся“, конечно, потому, что былъ изгнанъ нечестивымъ царемъ; почему въ Іерусалимъ, мы не знаемъ; то что наше житіе говоритъ о возвращеніи его въ Египетъ (f. 187)—не противорѣчіе, т. к. онъ могъ на пути остановиться на родинѣ ¹⁾. Интересна также замѣтка того же списка о митрополитѣ Салама: „переводчикъ Св. Писанія. Погребенъ въ Хакалетъ“. Что Салама былъ переводчикомъ, объ этомъ нечего распространяться, но по поводу Хакалета слѣдуетъ сказать, что въ нашемъ житіи этотъ пунктъ упоминается какъ мѣстопробываніе м. б. временное митрополита (f. 198). Нельзя не замѣтить, что насколько личность Іакова представляется намъ величественной и героической, настолько то, что сообщаетъ житіе объ его преемникѣ, рисуется послѣдняго въ менѣе привлекательномъ видѣ: онъ и превозноситъ Филиппа, и боится царя; разрѣшаетъ то, что запрещалъ Іаковъ, и въ то же время соглашается съ Филиппомъ, но не поддерживаетъ его и даетъ поводъ царю сказать: „всѣ сановники церкви согласны со мной“! Словомъ, предъ нами хитрый коптъ, котораго судьба поставила между двухъ огней въ чуждой странѣ съ сильной свѣтской властью, претендующей на церковный авторитетъ.

Появленіе въ данномъ житіи митрополита Саламы важно особенно потому, что даетъ намъ указаніе на время его преосвященствованія. В. В. Болотовъ ²⁾ и Conti Rossini ³⁾ относятъ его къ 1285—1305+? Основанія, приводимыя ими, для этого слѣдующія: царь Ягба-Сіонъ (1285—1293) прогналъ

¹⁾ Онъ значится въ числѣ святыхъ подъ 19 вахсе (12 августа). См. Ludolfi, Comment. p. 292.

²⁾ Описаніе четвертой эіонской рукописи Библиотеки С. П. Б. Духовной Академіи, стр. 9, пр. 13.

³⁾ *Zeitschrift für Assyriologie*, X, 238.

митрополита, немедленно по восшествіи на престолъ. 1305 годомъ помѣчена рукопись перевода твореній Филоксена въ Британскомъ музеѣ; другая рукопись того же содержанія датируетъ переводъ „архіепископомъ южскимъ аввой Саламой“; слѣдовательно, послѣ изгнаннаго въ 1285 году былъ приглашенъ Салама III. Между тѣмъ списокъ митрополитовъ (у Гвиди № 1), помѣщаетъ „авву Саламу“ послѣ Іакова, Габра-Крестоса и непосредственно предъ Вареоломеемъ, сидѣвшимъ „во дни Сайфа-Арада“. Мало того. Въ недавно открытомъ Conti Rossini Евангеліи съ дарственными грамотами въ пользу Дабра-Либаноса въ Тигре, среди множества крайне интересныхъ и важныхъ для исторіи Абиссиніи документовъ есть одинъ, датированный царемъ Сайфа-Арадомъ и митрополитомъ (рарăзна) нашимъ „аввой Салама“. Это документальное свидѣтельство о времени этого іерарха ученый издатель объясняетъ такимъ образомъ: „рарас, безъ сомнѣнія—епископъ Асумскій; митрополитъ Салама умеръ около полстоletія тому назадъ“ ¹⁾. Почему? Другихъ основаній, кромѣ приведенныхъ выше, нѣтъ; съ другой стороны, намъ совершенно неизвѣстенъ асумскій епископъ въ это время, подобный, напр., Іоанну, при Заря-Якобѣ. Между тѣмъ, житіа довольно опредѣленно помнятъ Саламу, какъ преемника Іакова; кромѣ житія Филиппа, его знаетъ и житіе Аарона, причемъ, какъ мы уже видѣли, даже относить его слишкомъ далеко вглубь XIV вѣка, смѣшивая съ Вареоломеемъ. Другого Саламу, кромѣ переводчика, мы не можемъ предполагать, въ силу извѣстія житія о Хакалетѣ; остается допустить или опіску въ датѣ лондонской рукописи Филоксена, или, что менѣе вѣроятно, ошибку въ спискѣ митрополитовъ, смѣшавшемъ Саламу—„переводчика“ съ Саламой, современникомъ Сайфа-Арада и погребеннымъ въ Хакалетѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ житіи Фи-

¹⁾ L'Evangelo d'oro di Dabra Libanos. *Rend. d. R. Ac. d. Lincei*. X, 218.

липпа также отрицалось стремление эпохи, сознавшей одичание народа, вступить на путь обновления. Мы читаемъ, что Филиппъ радѣеть объ улучшеніи семейныхъ нравовъ и беретъ за исходную точку апостольскія постановленія. Такой же путь избралъ и другой подвижникъ этого времени — Евстаѳій. И такъ оба монашескихъ устава эѳіопской церкви приступили къ дѣлу ея обновления съ одной и той же стороны и съ одними и тѣми же средствами. Что на первыхъ же порахъ имъ пришлось столкнуться съ царской властью, также подвергнувшись вліянію ужасовъ предшественниковъ эпохи, это понятно. Но имъ удалось мало-по-малу увлечь и ее за собой, и въ лицѣ Зара-Якоба увидать результатъ своей вѣковой дѣятельности.

Ааронъ Дивный.

Единственная пока рукопись житія этого святого, принадлежащаго тому же циклу „гоненія“, находится въ Британскомъ музеѣ подъ сиглой Orient. 693 и относится къ XVIII столѣтію по написанію ¹⁾. Когда житіе составлено, объ этомъ въ немъ самомъ нѣтъ прямыхъ указаній. Переписчикъ, обращаясь отъ имени какого-то Сарца-Вангель (можетъ быть, себя самого) ко всѣмъ эѳіопскимъ преподобнымъ, заканчиваетъ именемъ современнаго ему (?) архимандрита дабра-дарэтскаго Іоанна, „который велѣлъ написать это житіе заново со стараго“. Во всякомъ случаѣ это „старое“ едва ли могло быть написано раньше XV в. Если имя святого Маба-Сіона въ перечисленіи преподобныхъ еще само по себѣ не можетъ служить вѣскимъ аргументомъ въ этомъ отношеніи, то присутствіе разсказа о событіяхъ по смерти святого, указываетъ на время, когда въ дважды опустошенномъ Дабра-Дарэтѣ или Д. Фаранѣ снова расцвѣла монашеская жизнь. При этомъ

¹⁾ Wright, Catalogue, p. 179 (№ 269).

нельзя не отмѣтить того страннаго обстоятельства, что авторъ разсказываетъ дважды почти въ тождественныхъ выраженіяхъ о погребеніи умершихъ въ монастырѣ отъ моровой язвы святыхъ: разъ въ началѣ житія въ панегирическомъ прологѣ, и затѣмъ въ концѣ, въ видѣ отдѣльнаго добавленія, уже послѣ вставленнаго краткаго житія подвижника Іасу. Еще страннѣе противорѣчія въ этихъ двухъ редакціяхъ повѣствованія. Въ первой современной событію митрополитъ названъ Вареоломеемъ, а возстановитель обители — Стефаномъ; во второй вмѣсто этихъ именъ мы находимъ Саламу и Антонія. Какъ объяснить разногласіе въ именахъ архимандритовъ возстановителей, сказать трудно; что же касается митрополитовъ, то можно предположить, что авторъ имѣлъ предъ глазами монастырскую записку, гдѣ имени митрополита не было, а стояло просто „rārās“. Онъ дополнилъ по своимъ ученымъ соображеніямъ, которыя, однако, оказались не въ состояніи соблюсти хронологическій масштабъ. Это также едва ли указываетъ на время, близкое къ событіямъ. Но если авторъ не былъ близокъ къ своему святому по времени, то по мѣсту и традиціямъ онъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу послѣдователей святого и, весьма вѣроятно, былъ монахомъ его обители. Трудъ его начинается восторженными строками въ честь ея и ея подвижниковъ; заканчивается житіе собственно Аарона также призываніемъ „благословенія этихъ подвижниковъ на „сіе мѣсто“. Кроме того, ему хорошо извѣстны географическія условія страны, онъ ихъ описываетъ съ любовью и подробностями, свойственными очевидцу, и знаетъ даже легендарныя этимологии (л. 28).

Принадлежитъ ли житіе одному автору, или надъ созданіемъ его работало нѣсколько рукъ? Здѣсь опять можетъ наводить на сомнѣнія его конецъ. За повѣствованіемъ о кончинѣ Аарона слѣдуютъ страницы, имѣющія лишь стороннее отношеніе къ этому святому: сначала идетъ молитвенный пере-

чень эіопскихъ преподобныхъ, приводимый отъ лица какого-то Сарца-Вангеля; потомъ слѣдуетъ маленькое житіе подвижника Іасу, который въ прологѣ къ житію упомянуть въ числѣ „произросшихъ“ въ Дабра-Даретѣ. Наконецъ, идетъ рассказъ объ исторіи монастыря по смерти Аарона; часть этого рассказа, какъ уже было сказано, помѣщена и въ прологѣ. Эти два послѣднихъ добавленія, дѣйствительно, производятъ впечатлѣніе позднѣйшихъ приписокъ.

Что касается литературной формы нашего житія, то оно въ меньшей степени, чѣмъ другія рассчитано для церковнаго употребленія, и не въ такой степени носитъ характеръ проповѣди. Обращенія къ слушателямъ встрѣчаются не такъ часто; новыя главы начинаются обыкновенно съ самаго повѣствованія, или съ „возвратимся“ историческаго стиля (л. 18). Авторъ во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ любовь къ риторическимъ и лирическимъ отступленіямъ; кромѣ начала житія, встрѣчаются и въ самомъ текстѣ его обращенія къ дѣйствующимъ лицамъ (напр., л. 25, къ злomu монаху, виновнику второго гоненія на святого), панегирическія вставки въ честь героя повѣствованія (особенно л. 30—32, гдѣ иногда даже употреблена стихотворная форма). По поводу чуда святого въ безводной пустынѣ (л. 35) въ уста его учениковъ вляется длинная хвалебно-побѣдная пѣснь съ ветхозавѣтно-библейскимъ отгѣнкомъ.

Переходимъ къ изложенію содержанія житія.

«Книга подвиговъ и трудовъ отца нашего Аарона дивнаго» начинается хвалебными строчками въ честь мѣста его упокоенія — *Дабра-Даретъ* (Dabra-Darēt), описаніемъ построенія надгробной церкви для мощей его и его учениковъ по приказанію митрополита Варооломея, и затѣмъ длиннымъ похвальнымъ словомъ въ честь святого.

f. 8.

Далѣе, послѣ вступительной фразы: «послушайте, отцы и братія мои, о мѣстѣ рожденія Аарона отца нашего чудотворца» рассказывается о рожденіи святого въ г. *Сагуада* (Sagūāda) въ области *Гамбья* (Gambjā) отъ благочестивыхъ родителей Габра-Маскаля и Амата-Марьямъ, послѣ

шаблоннаго въ житіяхъ неплодства. На воспитаніе ребенокъ былъ отданъ священнику Габра-Масиху, причемъ отецъ сказалъ: «вотъ, я посвящаю его Богу, чтобы онъ служилъ и трудился въ церкви во все дни живота своего, а ты научи его слову Писанія и псалмамъ Давида, да будетъ онъ тебѣ сыномъ Духомъ Святымъ и окропленіемъ воды». Священникъ, спросивъ имя мальчика, сказалъ ему между прочимъ: «сынъ мой, ты превзойдешь Аарона, сына Кааова и будешь больше его, ибо кадило Аарона не спасало, не отверзало раю и не выводило изъ ада души, тебѣ же дастъ Богъ силу и власть, которую далъ апостоламъ своимъ, проповѣдывать слово святое Его, стоя предъ всеми людьми... Онъ научилъ его азбукѣ. «И отверзъ ему Духъ Святыи окно помышленія и просвѣтилъ внутренняя сердца его... и когда онъ кончилъ псалтирь, подвинулось сердце его и узвился онъ любовію Христовою, и пылалъ, какъ огонь, возгласяя любовь Маріи, прекрасной голубицы... И когда видѣлъ онъ женщинъ, любившихъ дѣтей своихъ, а младенцевъ ихъ, любившихъ матерей своихъ, говорилъ въ сердцѣ своемъ: «такова и любовь Христа къ Его Родительницѣ Дѣвѣ». И посему растаяло сердце его и пылалъ онъ, какъ пламя печи отъ любви къ Агнцу, и сдѣлалъ уста свои сосудомъ пѣнія Богу, стаявъ навѣкъ изрядный въ псалтири давидовой 7 разъ днемъ и 7 разъ ночью каждый часъ свой... И потомъ онъ пошелъ къ архіерею, чтобы быть поставлену въ діакона; тамъ получилъ наставленіе относительно служенія церкви и совершенія таинствъ. Вернувшись въ Гамбья у Сагуада, т.-е. въ *монастырь Георгія*, онъ отправлялъ тамъ діаконское служеніе много лѣтъ. Упавшая однажды изъ каминыцы искра на его палець и причинившая боль, наводитъ его на размышленія о вѣчномъ огнѣ. Онъ рѣшился не оставаться ни дня въ своемъ городѣ, и въ «стражу ночную» всталъ въ церкви, и пламенно помолвившись со слезами, поклонился таботу и коснулся своего лица его пеленой, а затѣмъ на разсвѣтѣ вышелъ и направился къ востоку, говоря: «свѣтильникъ ногама моима законъ Твой»... (Пс. 118, 105) Богъ путеводелъ его и привелъ его въ *Амхару*. Здѣсь онъ спросилъ дорогу въ монастырь *Дабра Голь* (D. Gol), къ святому аввѣ Бадалота Микаэль, «ибо онъ былъ великъ и славенъ твердостью подвиговъ предъ всеми мамхерами того времени». Придя ко вратамъ обители, онъ проситъ вспомнить и доложить о немъ. Когда его впустили, онъ поклонился въ ноги настоятелю, облобызалъ его колѣна и рассказалъ свою жизнь. «Страшась, отче, изъ-за боли отъ искры, худшаго осужденія огненнаго, участи грѣшныхъ, бѣжалъ я, чтобы спасти душу мою, и пришелъ къ кормчему, да буду управленъ плотомъ молитвъ твоихъ отъ волнъ грѣховъ, и да приведетъ меня лѣствица пра-

f. 9.

f. 10.

f. 11.

f. 12.

f. 13.

f. 14. ведности твоей туда, гдѣ Христось, Первосвященникъ». Бацалота Микаэль провидитъ въ немъ избранника Божія, который будетъ поставленъ надъ 15-ю городами, и чрезъ нѣсколько времени «облекаетъ его одѣяніемъ монашества и наставляетъ на путь Антонія и Макарія, аввы Павла, Арсенія, Навіуда, Меркурія, Авива, Иларіона, Агаеона, который глоталъ камни ртомъ 7 лѣтъ». И сказалъ онъ: «благословеніе сихъ святыхъ, да прибудетъ на тебѣ во вѣки вѣковъ». «Ааронъ былъ управителемъ (magabi) монастыря и архиѡкономъ. Онъ угодилъ Богу и увеселялъ церковь служеніемъ своимъ».

f. 15. „Въ тѣ дни смута подняла волны отъ бури діавола въ предѣлахъ всей Эѡіопіи. Былъ тогда митрополитомъ авва Іаковъ пастырь вѣроу и яко левъ уповалъ молитвою (Прит. 28, 1). Произошелъ у него споръ съ царемъ эѡіопскимъ. И собрались всѣ пастыри Эѡіопіи съ отцомъ своимъ Іаковомъ равноапостольнымъ и вошли къ царю и сказали ему: «оставь холодъ ложа твоего, а если нѣтъ, мы будемъ бороться съ тобой и не дадимъ тебѣ причастія св. тайнъ тѣла Христова». Число пастырей Эѡіопіи было 12 мамхеровъ: Бацалота-Микаэль и Филиппъ, Гонорій и Даміанъ, авва Наѡанаилъ и Іоаннъ, авва Андрей и Габра-Амлакъ, авва Назарій и авва Веніаминъ, Зара-Крестось всего—11. И сказалъ авва Бацалота-Микаэль аввѣ Іакову: «отче, есть у меня отрочъ, который ревнуетъ стать мученикомъ и жаждетъ, какъ земля пустая, любви Христа—Господа своего». И сказалъ ему авва Іаковъ: «вели привести его къ третьему дню». И послалъ авва Бацалота-Микаэль къ Аарону чудотворцу: «сынъ мой, приходи немедля». И пришелъ другой мамхеръ къ митрополиту Іакову и сказалъ ему: «я пришелъ, чтобы умереть съ тобою, приобщи меня отче къ собору твоему, ибо не полно число ваше. И онъ приобщилъ его, и стало 12 мамхеровъ. Тогда сказалъ авва Іаковъ пастырямъ Эѡіопіи: «насталъ часъ жатвы нашей нивы; терпите и укрѣпите сердца ваши, какъ отцы ваши Апостолы... Ибо царь эѡіопскій рычитъ, какъ левъ, и ищетъ побороть насъ. Будемъ бороться съ нимъ и сражаться мечемъ вѣры. Васъ 12 по числу апостоловъ: ты—Бацалота Микаэль, какъ Петръ, камень вѣры; я поставилъ тебя надъ всѣми пастырями Эѡіопіи ихъ управителемъ». Зная это, пришелъ чудотворецъ Ааронъ изъ *Дабра-Голь* ко двору (wəsta hašəgē), гдѣ былъ его мамхеръ, и съ нимъ много іеродіаконовъ, и тотъ послалъ ихъ къ митрополиту, который поставилъ ихъ священниками... Ихъ было 72, и онъ благословилъ ихъ и сказалъ: «вы, какъ 72 ученика, а этотъ Ааронъ дивный да будетъ, какъ Павелъ, уста благовонныя, пастыремъ надъ вами».

f. 16. «Послѣ этого прислалъ царь къ аввѣ Іакову сказать: «завтра большой праздникъ; я приду въ церковь къ вамъ; приготовьтесь, ждите меня съ литургіей, чтобы мнѣ приобщиться изъ рукъ вашихъ». Монахи поняли истинное намѣреніе царя. «Зачѣмъ ему приходитъ къ намъ, сказали они, «когда у него свое придворное духовенство» (kahnāta dabtarāhu), и сказали митрополиту: «онъ придетъ, чтобы налечь на овецъ твоихъ и расхитить насъ, если мы откажемся преподать ему Св. дары»... Ты назначь, кому идти служить и скажи: «такой-то совершай литургію и удостойся сдѣлаться мученикомъ предъ братіями твоими». Митрополитъ на это отвѣчаетъ словами о своемъ епископскомъ долгѣ и готовности пострадать и заканчиваетъ: «завтра, когда придетъ царь и скажетъ: «священнодѣйствуйте для меня жертву вашу, скажите ему: «хорошо» и не противьтесь. Я же во время службы выйду, и посрамится лицо его, ибо онъ не будетъ въ состояніи исторгнуть даровъ изъ рукъ моихъ». Потомъ онъ собралъ всѣхъ и сказалъ: «я—Іаковъ, отецъ вашъ приготовилъ себя въ жертву Богу отъ руки этого царя. А вы 12 пастырей будьте, какъ 12 апостоловъ, вы же 72 іерея какъ 72 ученика. Я же, отецъ вашъ, подобенъ Христу надъ всѣми. Претерпите всѣ нашедшіе на васъ удары до смерти»... На другой день пришелъ царь «грозно и рыча». Когда митрополитъ въ обычное время произнесъ: «сихъ же призвалъ еси и освятить, даждь имъ часть»... ¹⁾), вышли всѣ сослужащіе—12 пастырей и 72 іерея въ трепетѣ предъ царемъ. Тотъ приблизился къ Св. дарамъ и сказалъ митрополиту: «дай мнѣ тѣла Христова». Митрополитъ отказалъ, ссылаясь на Мѡ. 7, 6. f. 18. Тоже повторили и сослужащіе. Царь во гнѣвѣ вышелъ изъ церкви «не имѣя возможности препираться во храмѣ». Потомъ, сидя на тронѣ, велѣлъ привести митрополита и монаховъ и спросилъ ихъ, почему они, живя въ землѣ царя, не поминаютъ его во время возношенія и на утреннемъ кажденіи и на ектеніяхъ ²⁾), и не допустили къ причастію? Они отвѣчали: «за то, что ты не послушался митрополита Іакова и не согрѣлъ холода сердца твоего солнцемъ проповѣди его. На дали мы тебѣ Св. даровъ, ибо ты недостойнъ, и Господь нашъ заповѣдалъ намъ не давать подобнымъ тебѣ». И сказалъ царь: «спасетъ ли васъ отъ руки моей Іаковъ египтянинъ, котораго я привелъ цѣною моего золота? А если нѣтъ, то пусть его сведутъ съ его престола, и я отошлю его въ его страну, и вы останетесь въ рукѣ моей». Они отвѣтили ему: «есть Богъ нашъ, f. 19.

¹⁾ Начало возгласа священника въ эѡіопской литургіи, слѣдующаго за причащеніемъ.

²⁾ Такъ я понимаю astabkwe'o šawāt. (Сб. „моленіе возгласовъ“).

есть царь нашъ, Онъ избавить насъ». Когда царь издали увидалъ авву Аарона, спросилъ его: «откуда ты?» Отвѣчалъ Ааронъ іерей: «я—ученикъ Іакова митрополита, подобнаго Христу; мы пришли къ тебѣ, чтобы заставить тебя оставить грѣхи Рувима; если же нѣтъ, то мы будемъ бороться съ тобою и отдадимъ себя въ жертву праведную отъ рукъ твоихъ. И приблизились съ нимъ 72 іерея и обличали его. Тогда онъ приказалъ связать ихъ по рукамъ и ногамъ, повалить на землю и бить веревками изъ tētē¹⁾, пока не будутъ видны кости. И взяли 12 пастырей и били ихъ, пока не стало рваться мясо. Обратились къ аввѣ Аарону, жемчужинѣ драгоцѣнной, и подходили къ нему. И взялъ Богъ землю, и она покрыла его, какъ одеждою. И вышло повелѣніе отъ царя: «этого пришельца бейте силой». Воины, не попадая въ его тѣло, сказали: «что мы бьемъ? только одну землю, и не видимъ его тѣла... (?) Царь воскликнулъ: «отче Ааронъ, гдѣ ты?» Тотъ отвѣтилъ: «я въ Возѣ моемъ; что могутъ сдѣлать мнѣ люди, если Онъ сокрылъ меня въ сѣни своей?» Царь приказалъ взять его съ честью и страхомъ, а митрополитъ радовался, видя и слыша о чудѣ. Прочихъ монаховъ также омыли и умастили язвы ихъ; они скоро исцѣлились, и царь снова сталъ ихъ просить о причастіи. Они собрались въ полномъ составѣ, вмѣстѣ съ Іаковомъ и Аарономъ къ царю и обличали его такъ, «что нельзя передать». Онъ рѣшилъ: «разсѣять ихъ по странамъ, гдѣ жажда и болѣзни, жаръ и зной, растопляющій тѣло и иссушающій кости». Палачи взяли Аарона съ 72 іереями. За ними слѣдовало много людей, увѣровавшихъ въ молитву его послѣ чуда. Іаковъ благословилъ Аарона. Когда ихъ гнали, онъ пѣлъ псалмы, пѣсни пророческія, Богородичны и «Врата Свѣта» 7 разъ въ день. Шли они по Куалѣ, лишенной воды и выжженной солнцемъ, обливаясь потомъ и страдая отъ зноя и жажды. Ааронъ не спалъ до 6-го часа ночи. Во снѣ ему явился Спаситель въ видѣ митрополита Іакова, укрѣпилъ его переносить страданія. Утромъ, вставъ съ радостью и веселіемъ и помолившись, Ааронъ пошелъ въ *Анготъ* (Angaot). Его встрѣтили жители, и онъ основалъ тамъ много монастырей и сотворилъ великія чудеса и знаменія. Онъ насадилъ овощей, оросилъ ихъ и превратилъ землю въ садъ. Укрѣпивъ ихъ, пошелъ въ область *Тире*, гдѣ также основалъ много обитателей, и жилъ въ землѣ *Тамбень*, гдѣ основалъ сію обитель *Амба аввы Іохани*. Отсюда онъ пошелъ въ область *Вагъ*, гдѣ его встрѣтили всѣ монастыри, собравшись къ службѣ, а онъ сотворилъ много чудесъ и знаменій и пошелъ въ страну *Роха* (Roha). Его встрѣтили жители, ибо слышали обо всѣхъ чудесахъ, которыя сотворилъ ему Господь

¹⁾ Gossypium vitifolium. Обыкновенно tēt.

въ странѣ изгнанія. Они сказали чадамъ его: «скажите намъ, мужи святые, это ли наставникъ вашъ, по имени Ааронъ дивный, одинъ изъ пастырей крѣпкихъ и твердыхъ, котораго скрыла земля отъ побоевъ царя, и для покрытія котораго выросли двѣ маслины высокихъ, вопреки времени и сроку, и по молитвѣ котораго тотчасъ утихло пламя огня?» Чада его сказали: «да, такъ. Не мы ли были съ нимъ, когда онъ возмогъ это сдѣлать, мы видѣли сами, и мы сошли съ нимъ въ тѣсноту скорби, а этотъ человекъ, котораго вы видите, по имени Назе (Nāsē), начальникъ евнуховъ, былъ посланъ къ намъ посмотреть мѣсто, гдѣ мы живемъ. И видя чудеса, о которыхъ вы слышали, онъ обратился сердцемъ и поклонился въ ноги отцу нашему, склонившись въ покаяніи и крестился во спасеніе и облекся схиомо святыхъ и нареченъ Фарэ-Берханъ. А это весь соборъ святыхъ, которыхъ вы видите—это чада его, послѣдователи». И сказали эти жители *Роха* и священники страны *Барваръ*: «благословенъ Богъ, который привелъ къ намъ сего праведнаго и мамхера, чтобы мы получили изъ рукъ его приобщеніе таинъ». И говорила о немъ вся страна. Пришли къ нему жители *Хава* (Hawa) и *Шадахо* (Sadaho), и привѣтствовали его любовью, и родились отъ него купѣлю, и привесли ему дары, и онъ исцѣлилъ болящихъ у нихъ».

Слѣпой, имѣвшій даръ прозорливости, вывелъ Аарона изъ города и показалъ со стѣны ему на западныя горы, виднѣвшіяся на горизонтѣ. «Посмотри на бѣлую гору, какъ щитъ, вершина которой покрыта лѣсомъ аһафѣгъ и зеленой травой... изъ этихъ двухъ горъ задняя будетъ раньше твоимъ жилищемъ, а другая—послѣднимъ упокоеніемъ. И ты уснешь немедленно на ложѣ твоемъ, когда домовладыка призоветъ тебя. Въ дальней горѣ *Катинъ* (Dabra Qatin) тебя постигнутъ напасти и скорби, а въ передвей горѣ ты успокоишься по старости маститѣй. И придутъ и поселятся въ ней люди избранные и народъ святой... На другой день Ааронъ вышелъ со всѣмъ соборомъ своимъ, перешелъ *Такацу* и поднялся на гору Катинъ, оставивъ направо Дарэть. Затѣмъ они выбрали мѣсто для табота, высѣкли въ скалѣ для него церковь, а для себя кельи и жили тамъ 7 лѣтъ. Слава его чудесъ распространилась по областямъ *Макетъ* (Maqēt), *Асаса* (Asāsā), *Вадла* (Wādla) и *Давентъ* (Dāwēnt). «Вся земля *Бегемедера* отъ *Амгары* до *Вагары* твердила о немъ, и приходили къ нему привѣтствовать его и исцѣляться отъ недуговъ своихъ. Принимали вѣрные мужи монашество изъ его рукъ, и онъ училъ ихъ пути Божію, который проникалъ въ сердца ихъ... Жители *Гайнетъ* (Gājnēt) крестились отъ него. Сатана, видя, что онъ приобрѣлъ всѣ страны, сталъ завидовать и

f. 20.

f. 21.

f. 22.

f. 23.

f. 24.

f. 25. вошелъ въ сердце монаха изъ *Зебе* (*Zebē*) по имени Такла-Хайманотъ. «Не вѣрно названъ, онъ—Такла Дамъ (насаждение крови), Такла Хатиатъ (н. грѣховъ), Т. Хафратъ (н. позора), Т. Хасатъ (н. лжи), Т. Хасаръ (н. стыда) и Т. Пельматъ (н. тьмы)... Онъ пошелъ къ *государю* (*hašēgē*) *Сайфа Араду* и наклеветалъ, говоря: „есть одинъ монахъ, который злословитъ царей и противился отцу твоему. Онъ дерзокъ и обличаетъ надменно. Отецъ твой мучилъ его разными пытками, но не могъ сломить его, и онъ остался одинъ изъ всѣхъ мамхеровъ. Онъ покрылъ горы *Мақет*, и никто ко мнѣ не вернулся, и я посрамленъ и покрытъ его проповѣдью. Не молится онъ также о тебѣ и не преклоняется предъ силою твоего царства, но обличаетъ тебя и проклиняетъ». Царь, услыхавъ это изъ устъ Такла-Мархама («прозябеніе проклятiя») весьма разгнѣвался и спросилъ: «что мнѣ предпринять противъ него?» Такла Сайтанъ («прозяб. діавола») отвѣтилъ: «нечего тебѣ предпринимать противъ него; ты не въ состоянiи убить его. Но выведи его изъ монастыря со всѣми чадами его и разсѣй ихъ по странамъ жажды и солнечнаго зноя, который растопитъ члены плоти ихъ, и посели ихъ туда, гдѣ нѣтъ дерева и воды»... Царь послалъ воиновъ жестокихъ, которые (не?) боялись Бога и не стыдились лица Его. Они пришли въ *Дабра Qatin*, окружили святыхъ и сказали аввѣ Аарону повелѣніе царя; утѣснили его и сказали: «мы не заночуемъ сегодня раньше, чѣмъ не выведемъ тебя. Созови твой монастырь, и пусть не останется ни одна душа по повелѣнію царя». И находилась тамъ дочь царя Сайфа-Арада, которая уклонилась отъ мірскихъ пристрастiй и богатства и носила знаменіе Христова. Она бѣжала отъ лица мужа своего, пришла къ аввѣ Аарону чудотворцу, услыхавъ о чудесахъ его, и постриглась въ монашество руками его. Царь услыхалъ о ней, что она пошла къ Аарону и послалъ тайнознавшихъ ее съ „государевымъ гласомъ“ (*qāla hašē*). Ааронъ узналъ духомъ, что пришли искать ее, и сокрылъ ее у одной старухи».

f. 26. «Ааронъ вышелъ со всѣмъ соборомъ православныхъ монаховъ и 300 монахинь и возгласилъ: «да удалится всякій сомнѣвающийся, а тотъ, кто вѣруетъ, пусть слѣдуетъ за мною и возьметъ крестъ смерти своей, запретъ двери дома своего, не выбрасываетъ хлѣба своего и не тушитъ головни, но да препоишетъ чресла свои вѣрою, ибо теперь жатва правды... Сказавъ это, онъ вышелъ съ 600 своего собранiя. Всѣ города восклицали «увы намъ!», и оплакивали его уходъ. Вся область *Мақет* плакала. Когда «гласъ государевъ» гналъ святыхъ и возводилъ на «*Bašalo*», палилъ ихъ зной; они жаловались, и Ааронъ указалъ имъ

единственное растеніе *āgām*¹⁾; они легли другъ на друга, но тѣни нехватило для всѣхъ, и они упали отъ усталости и спали 6 часовъ. Даже царскіе послы стали плакать отъ жалости. Наконецъ Ааронъ, помолившись и приводя на память чудо Моисея, ударяетъ жезломъ и источаетъ изъ камня воду. Вода потекла и напоила всѣхъ, и находится еще и теперь на томъ же мѣстѣ, которое получило имя *Wahaṭ* оттого, что здѣсь монаховъ пожиралъ (*wahata*) зной. «Здѣсь останавливаются всѣ путники».

f. 28. На другой день «гласъ государевъ» погналъ святыхъ дальше. Пришли въ амхарскій городъ *Хольо* (*Hol'ō*). Доложили царю о прибытіи ихъ въ область, и онъ приказалъ привести ихъ къ себѣ въ собраніе свиты и войска (*mā'kala gubā'ē ḥarā wasarāwita*). Царь во гнѣвѣ, «свирѣпый какъ левъ», укорялъ Аарона за то, что онъ не молится за него, но злословитъ и проклиняетъ его, а также за то, что онъ постригъ его дочь и брата. «И говорилъ ему царь на учителя закона великія злословія, которыхъ не достойно передавать». «Приведи ко мнѣ, сказалъ онъ, прежде всего, моихъ брата и дочь». Ааронъ сказалъ: «когда далъ ты мнѣ ихъ на поруки?» Царь отвѣтилъ: «не заниматься ли намъ теперь препирательствомъ, какъ равный съ равнымъ? Приведи дочь мою и брата и поклонись моему царству, чтобы не осрамиться тебѣ среди этой свиты, и не открылся срамъ наготы твоей и твоего собранiя». Затѣмъ воины стали бить монаховъ палками въ грудь и бока. Тѣ молились Богу и плакали. «И тряслась земля отъ шума голоса святыхъ, а слезы монахинь текли по нимъ, какъ потоки воды по землѣ». Потомъ царь приказалъ раздѣть ихъ, и когда они противились, ихъ повалили на землю, зашали и попирали ногами. Затѣмъ раздѣли всѣхъ монаховъ и монахинь и поставили предъ всѣмъ сборищемъ. Царь издѣвался надъ Аарономъ, который отвѣтилъ ему: «развѣ у меня другая природа, чѣмъ у тебя, развѣ я не такой же, какъ ты, и ты какъ я, и нагота моя не подобна твоей?» Тогда царь велѣлъ на нихъ выпустить львовъ, но тѣ пали къ ногамъ Аарона и лизали слѣды его. Вельможи (*Sarāwit*) эіопскіе, видя это, испугались и сказали царю: «не слѣдуетъ тебѣ бороться съ этимъ праведникомъ и боящимся Бога, который утишилъ и преклонилъ львовъ». Тогда ихъ снова одѣли. Царь приказалъ отправить ихъ затѣмъ въ жаркія куаллы «гдѣ нѣтъ дерева, ни воды, ни травы, но одинъ песокъ». Путь былъ крайне труденъ и многіе падали, какъ листья, а были и такіе, которые умерли и остались безъ погребенiя». Когда солдаты привели ихъ въ землю *Занго*

¹⁾ *Carissa edulis*. Кустарникъ похожій на жасминъ. D'Abbadie, Dict. Amariñna 572.

(Zango) въ предѣлы *Астеранъ* (Astran), Teqā. Dārā и Bosāto, противъ Lēmā, близъ Gūātēr, откуда можно было издали видѣть озеро Zēwāj. Часть солдатъ прониклась состраданіемъ къ монахамъ и совѣтовала имъ надѣяться на Бога, который «да утѣшитъ ихъ по силѣ своей». Поставили наблюдать ихъ за гибелью монаховъ, поселенныхъ на голой скалѣ. Когда страданія и жалобы ихъ достигли крайней степени, Ааронъ снова по молитвѣ источилъ жезломъ воду изъ скалы. На другой день онъ велѣлъ монахамъ принести въ плащахъ издалека земли и насыпать ее на скалѣ. Пришли владѣльцы горъ и помогали имъ копать ногтями землю, носить и насыпать ее. Когда скала превратилась въ поле, Ааронъ велѣлъ достать изъ мѣшковъ взятые съ собою запасы ячменя, лука, кориандра и по молитвѣ и благословеніи посадилъ самъ миндаль и виноградную лозу. Монахи послѣдовали за нимъ и посѣяли бобы, sēnbērā¹⁾, чечевицу, пшеницу, и провели для орошенія ихъ каналы воды. Скоро мѣсто изгнанія зазеленѣло, и сразу была собрана жатва; на другой годъ принесъ плоды виноградъ и миндаль. Земля Занго въ Эстеранѣ сдѣлалась садомъ; и въ ней стали произрастать мандрагоры и бананы. Ааронъ послалъ къ царю съ тремя монахами образецъ этихъ произведеній бывшей знойной пустыни. «Что намъ дѣлать съ этими сильными и крѣпкими монахами, сказалъ царь своимъ войскамъ: «пламя—для нихъ холодъ, текутъ для нихъ источники водъ и львы поклоняются имъ?» По прошествіи 7 лѣтъ изгнанія ихъ онъ написалъ Аарону покаянное письмо, прося молиться о себѣ: «миръ вамъ собраніе Бога щедротъ, мужи избранные, народъ святой! Подумайте и разсудите: вы живете по закону отцевъ вашихъ въ землѣ царя; вы молились въ землѣ отца его во время возгласовъ (ектеній?) и поклонялись предъ нимъ. Почему же злословятъ и дерзко порицаютъ того, кто сидитъ на престолѣ и царствуетъ надъ всей Эіопіей? Развѣ онъ не бьетъ и не посѣкаетъ противящихся ему? Теперь же не мстите мнѣ зломъ за зло, которое я сдѣлалъ вамъ, но молитесь за меня, да вашъ Господь Богъ укажетъ мнѣ путь покаянія. А что касается до тебя, учитель закона, избранный чудотворецъ, то я думалъ, что ты—человѣкъ и боролся съ тобою. Нынѣ я позналъ, что ты вѣрный и возлюбленный у Бога. Не посрами меня молитвою твоею. Иди въ городъ твой, чтобы намъ примириться, и наставь меня на путь покаянія». Ааронъ, полный радости, собралъ монаховъ, велѣлъ имъ взять все имущество и не забыть жезловъ умершихъ братій. Потомъ они помолились въ церкви, «которую выстроили

¹⁾ J. d'Abbadie (Dict. Amar. p. 227) подъ šanbērā: pois chiche, Cicer arietinum? Lathyrus sativus?²⁾

въ *Дарā* и *Занго*, оставили при ней монаховъ и причтъ и отправились въ путь. На 8-й день они переходили рѣку *Хавāшъ*; ученикъ Аарона Абсади шелъ справа отъ него; съ нимъ были Филимонъ, Тимоѳей, Василій, Павелъ и много другихъ, которые поддерживали его; среди нихъ «Ааронъ сѣдой шелъ какъ царь пчель». Когда они вошли въ рѣку, Абсади напомнилъ, что въ этотъ самый мѣстѣ 6 лѣтъ тому назадъ, когда они шли въ изгнаніе, онъ упалъ въ воду и потерялъ свой псалтирь. Ааронъ, несмотря на сомнѣніе учениковъ, бросилъ свой жезлъ въ рѣку, и тотъ немедленно выплылъ, «держа на концѣ ремень футляра книги, который плылъ на поверхности». По вскрытіи его, псалтирь ока-

f. 39.

зался невредимымъ, несмотря на шесть дождливыхъ періодовъ. Явившись предъ царя, которому уже успѣли рассказать о чудѣ, Ааронъ положилъ къ ногамъ его 500 жезловъ и сказалъ: «вотъ твой царскій трофей—жезлы святыхъ по числу тѣхъ, которые осыпались въ пустынѣ, какъ листья, и тѣла которыхъ остались для змѣй и коршунувъ». Царь поклонился ему въ ноги, «облобызалъ слѣды его» и просилъ прощенія и молитвъ. Затѣмъ онъ далъ ему золота и драгоценныхъ тканей, но «отецъ нашъ не обратился къ его богатству». Монахи же сказали: «это плата за нашихъ умершихъ братьевъ; примемъ дары!» Потомъ Ааронъ ушелъ изъ *Холло* въ *Давентъ* въ 6-й часъ, а когда вышелъ оттуда, стало заходить солнце. Онъ по молитвѣ остановилъ его, чтобы успѣть дойти до своего Добра *Qatin*. Во всѣхъ предѣлахъ страны Maqēt была радость о его возвращеніи. «Въ 11-й часъ Ааронъ поднялся съ учениками на свою монастырскую гору; войдя въ свои кельи, онъ нашли оставленные предъ уходомъ головы дымящимися, а хлѣбы—на сковородахъ на горящемъ огнѣ. «И усладилося святилище жертвами кажденія и литургіи, какъ и прежде, и всѣ уставы собранія стали правильно по чину, какъ и теперь». Нашли лепешки и приваръ, такъ какъ кипѣла зелень и овощи. Всѣ ѣли и насытились отъ хлѣбовъ, которые они поставили 6 лѣтъ тому назадъ и теперь нашли на сковородахъ.

f. 40.

Вскорѣ послѣ этого Ааронъ сходилъ на свою родину, въ *Гамбай*, построилъ тамъ церкви—*Arātē*, *Dabra Mātāja* и *Dabra Mārjām* въ *Gunā*, поставилъ тамъ настоятеля (Abā lē'ul) и окрестивъ десятки тысячъ людей, вернулся въ *D. Qatin*. «Dabra Darēt тогда еще не былъ извѣстенъ». Ааронъ исцѣлилъ одну бѣсноватую, та ему пожелала, чтобы Богъ привелъ его на гору, «которая вмѣститъ твое собраніе и гдѣ ты почиешь, когда будешь призванъ». Аарона и его монаховъ велъ на эту гору бѣлый перепелъ. Онъ осмотрѣлъ ее, обошелъ со всѣхъ сторонъ, из-

f. 41.

мѣрилъ. . . . (?) и на третій годъ окончилъ долбленіе и внесъ таботъ Маріи. Стали приносить жертву хваления и назвали гору *Дабра Фаранъ*, т.-е. „Покой Божій“. Тамъ жили они до времени мора, бывшаго въ Эѳіопіи, когда „была пожата земля“.

Когда затѣмъ Ааронъ снова пошелъ въ Гамбай для ревизіи церквей и вѣрующіихъ, „пришелъ на него гласъ Божій“, предвѣщавшій ему скорое упокоеніе отъ трудовъ и напастей этого міра. Вернувшись въ Дабра Фаранъ, онъ созвалъ своихъ монаховъ и бесѣдовалъ съ ними, убѣждая быть ревностными подобно ему, который не упускалъ ни дня, ни ночи, слава царствіе Божіе и проповѣдывалъ гласъ Божій во всѣхъ странахъ міра“. Монахи плакали и скорбѣли о предстоящей разлукѣ. На другой день пошли всѣ въ предназначенное мѣсто упокоенія—*Dabra Darēt*. На дорогѣ спросили Аарона его ученики: „вся ли плоть твоя невредима?“ Онъ отвѣтилъ:

„да, пока“. Но дальше на пути повредилъ себѣ палецъ руки, сталъ страдать и сказалъ: „наступилъ часъ пить мнѣ чашу страшную и горькую весьма; въ страхѣ и трепетѣ ея тяжкое пріятіе“. Ученики плакали и просили, чтобы далъ ему Богъ „завѣтъ милости“ въ воздаяніе за его труды. Ааронъ сказалъ обычное въ этихъ случаяхъ: „кто будетъ вѣровать въ молитву мою, жить подъ сѣнію храма моего и съ готовностью охранять гробъ мой, не погибнетъ, и всѣхъ родившихся отъ моей проповѣди и въ одеждѣ моей схимы отдалъ мнѣ въ даръ Богъ мой за труды и изгнанія и насилія, которыя я обрѣлъ въ семь мірѣ“. Всѣ монахини, услышавъ о прибытіи учителя закона, вышли на встрѣчу и, видя его немощнымъ, стали скорбѣть и сказали братьямъ: „что съ отцомъ нашимъ?“ Тѣ отвѣтили: „не знаемъ, подождите, посмотримъ“. Монахини сказали: „ждите вы сами и молчите, у насъ нѣтъ терпѣнія и нѣтъ силъ безъ отца нашего“. И онѣ посиѣшили. Когда они пришли къ колодцу, спустились изъ монастыря монахи и родовитые вельможи и встрѣтили „учителя закона“, который былъ уже близокъ къ смерти и на ходу закрывалъ глаза. Они его

взяли, повесли во врата на вершину горы Дарэтъ, и положили во вратахъ входа (?) (*anqasa fēthāt*). Онъ утѣшалъ ихъ разрѣшеніемъ всѣхъ апостоловъ и сказалъ: „не бойтесь чада мои и дѣти мои, но радуйтесь и веселитесь, ибо у насъ надежда небесная. Живите здѣсь и не удаляйтесь изъ монастыря отца вашего до смерти“. И когда онъ сказалъ это, закрылись глаза его и онъ почилъ и успокоился 5-го числа мухаррема (!) по-египетски, по-римски — сентября, по эѳіопски — 8-го маскарма... Его внесли въ церковь Дабра-Дарэта при пѣніи и кажденіи и погребли въ алтарѣ, гдѣ онъ велѣлъ копать.

Далѣе говорится о плачѣ сначала монаховъ, а на другой день монахинь надъ его гробомъ; этотъ плачъ близко подходитъ къ обычному типу въ житіяхъ. Затѣмъ *отъ имени Сарца Ванель приводится молитвенное воззваніе къ Богу съ поминаніемъ всѣхъ эѳіопскихъ преподобныхъ*. Въ концѣ говорится: „и Іоанна учителя (*mamhēga*) закона, который велѣлъ написать это житіе заново со стараго, по изволенію Христа. Благословеніе сихъ начальниковъ (*sējumān*) и мучениковъ, погребенныхъ въ Дабра Фаранъ, да будетъ надъ симъ мѣстомъ и благословеніе пророковъ и апостоловъ и мучениковъ добродѣльныхъ; да не отступитъ отъ него сѣнь праведности ихъ во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь.

Далѣе слѣдуетъ краткое житіе аввы Іасу.

„Пишу малое житіе и труды святаго мужа аввы Іасу и повѣдаю, собирая упавшіе колосья вѣсти о немъ предъ собравшимися, въ то время, какъ стоитъ свидѣтель его сынъ Зѣнѣ Маркосъ, трудившійся, исполняя всю волю его, о томъ, какъ онъ облекся въ терпѣніе во плоти, и какъ носилъ иго креста Христова на раменахъ своихъ, ибо онъ уподобился Іакову, брату Іисуса, воспитаннаго Маріей, отъ которой онъ научился премудрости и страху Божію, и который стоялъ пока распухли ноги его; не прикасалась бритва къ затылку его и не вкушала онъ мяса и вина устами своими. И сей былъ соблюденъ отъ чрева, чтобы быть управителемъ церкви и женихомъ небеснаго царствія. Онъ былъ оставленъ подъ лономъ монастыря, и приняли его, святые по волѣ Божіей, какъ написано: „яко отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріять мя, (Пс. 26, 10) на мѣстѣ злчнѣ всели мя, на водѣ покойнѣ воспита мя“. (Пс. 22, 2). И также сказано: „храняя младенцы Господь“ (Пс. 114, 5), и снова сказано: „жезль твой и палица твоя, ти мя утѣшиста“ (Пс. 22, 4). Избраніе слова пророческаго исполнилось на аввѣ Іасу, котоый былъ мнѣ учителемъ. Я расскажу вамъ по порядку, какъ повѣдали мнѣ слѣдовавшіе слову его и видѣли его, когда онъ подвизался, стоя безъ движенія, такъ что сопрѣла кожа плоти его и снадала кора кожи его, какъ у дерева сухого. И собрали кору кожи его въ мѣшки и положили связки по скончаніи дней его, чтобы погребсти съ тѣломъ его, и плакали и рыдали, видя опухлость ногъ его, подобныхъ вздутымъ мѣшкамъ; злокачественны весьма были язвы его, сыпались изъ нихъ черви и ползали по землѣ, какъ муравьи. Возвращалъ ихъ отецъ честный щенкой, говоря: „куда, куда? вернитесь въ ваше жилище, гдѣ ваше пропитаніе, чтобы не умереть вамъ отъ солнечнаго жара и не съѣли васъ птицы небесныя“. Когда авва Іасу выходилъ изъ кельи и садился немного внѣ ея, обыкновенно являлось

f. 45.

f. 46.

f. 47.

f. 48.

f. 49.

много птицъ и садилось по обѣ стороны на заборѣ домовъ и, боясь людей, спускалось на землю, подходило подъ ноги его, чтобы ѣсть червей, которые выползали изъ ранъ его плоти, и святой авва Іасу радовался и веселился, видя птицъ, которые питались червями, выползшими изъ язвъ его. И говорилъ онъ: „не милостыня ли это мнѣ у Бога, что плоть моя— эти черви, которые рождаются отъ членовъ моихъ; когда мутится кровь моя, они происходятъ отъ меня“. И ублажали его всѣ люди, видя его твердость и терпѣніе въ стояніи многомъ. Исхудала плоть его, какъ члены Симеона Сирійскаго, который стоялъ на верху столпа. И Іисусъ Христосъ, Избавитель и Спаситель нашъ, воздвигъ и воспиталъ святаго авву Іасу питаніемъ премудрости и водою знанія и возрастилъ его виномъ разумѣнія и млекою совѣта, и согрѣлъ его огнемъ лѣтви Своей и не охладилъ, и наставилъ его на путь жизни, и отверзъ ему врата всѣхъ писаній, да питается отъ плодовъ сада ихъ и пьетъ отъ ихъ рѣкъ неоскудѣвающихъ. Когда онъ возросъ, онъ позналъ и уразумѣлъ, что нѣтъ у него ни отца, ни матери, кромѣ Іисуса Христа и кромѣ сея святаго церкви и матери Его Маріи, избранной изъ избранныхъ. Привлечено было сердце его и уклонилося въ любовь Божію: онъ клялся Господеву и обѣщался Богу Іаковлю, что не дастъ сна очима своимъ, ни вѣждома своимъ дреманію, ни покоя скраніама своимъ (Пс. 131, 2—4). Онъ опоясалъ чресла свои поясомъ дѣвства, и жилъ, отдаляясь отъ плотскихъ хотѣній, и стоялъ не колеблясь, въ напастяхъ стоянія, такъ что помутились члены его и стали ѣсть птицы червей язвъ его. И онъ постоянно молился, проливая воду слезъ, поклонялся, какъ колесо, такъ что заболѣлъ мозгъ его и онъ ослабилъ силу свою, ища лица Божія. И онъ умолилъ Его, такъ что онъ взялъ его отъ земли и вознесъ. Молитва и благословеніе сего святаго аввы Іасу да сохранитъ насъ отъ руки змія діавола, утѣсняющаго корабль души нашей бурей, во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. И аминь.

Послушайте, я расскажу вамъ еще, братія, испытанія и изгнанія, которые нашли на святыхъ въ Дабра-Дарэтѣ, какъ сѣти, брошенныя въ мѣрзъ и извлекшія всякій родъ святыхъ, подобно рыбамъ. Воистину уловили святыхъ сіи испытанія изъ моря грѣховъ и ввели въ озеро радованія, то есть царствіе небесное. Какъ сказалъ апостоль: знайте, „яко скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе; упованіе же не посрамитъ“ (Римл. 5, 3—5). И было въ сей родъ по смерти аввы Аарона чудотворца .? . святой Дабра-Дарэтъ. И изгнали другого мамхера и отправили его въ страну изгнанія, и умеръ онъ тамъ. И третьяго изгнали, и онъ почилъ тамъ. И былъ великій страхъ и смятеніе сердца у всѣхъ

f. 50.

f. 51.

святыхъ монаховъ, которые жили въ Дабра-Дарэтъ. И они вынесли таботъ завѣта въ другое мѣсто, и оставили одинокимъ гробъ чудотворца Аарона, и бѣжали и разсыпались по лицу всѣхъ странъ. И упокоились два мамхера: авва Антоній подвижникъ и авва Даміанъ мудрый, и умерли въ странѣ изгнанія, и унаслѣдовали надежду жизни на небесахъ терпѣніемъ своимъ и напастями. Молитва и моленія ихъ да приведутъ и введутъ насъ во врата спасенія во вѣки вѣковъ. Аминь.

И собралось много монаховъ изъ горъ (обителей) разныхъ областей, услыхавъ, что разбѣжались чада Аарона отъ страха изгнанія, и пришли святые въ Дабра-Дарэтъ, чтобы охранять сокровище многоцѣнное — мощи Аарона дивнаго. И прибылъ авва Антоній, мамхеръ изъ страны Тигрѣ съ таботомъ Петра, и установилъ святилище, говоря: „да переселятъ меня въ страну изгнанія, чтобы сдѣлаться мнѣ соучастникомъ благословенія Аарона чудотворца; когда уведутъ меня отъ гроба его, я уподоблюсь ему въ изгнаніи моемъ и смерти моей“. И жилъ онъ въ Дарэтъ, и наполнилась Дабра-Дарэтъ собраніемъ святыхъ монаховъ и іереевъ, и не могла поверхность горы вмѣстить ихъ. И послѣ этихъ дней настало время жатвы — смерть святыхъ — болѣзнь мора; и они погибли, какъ полевая жатва, которой не остается, такъ что некому было погребсти ихъ. Полонъ былъ домъ святилища труповъ ихъ, которыхъ дошло до 1400; заперли врата оставшіеся и бѣжали въ другой городъ и, по прошествіи мора, пошли къ митрополиту аввѣ Саламѣ и рассказали ему о трупахъ мучениковъ, которые искали изгнанія и нашли смерть горькую, и сказали ему, что куча костей ихъ на гробѣ Аарона дивнаго, солнца проповѣди, чудотворца, новаго Давиіла надо львами и Азарія во пламени, и новаго Моусея, источившаго изъ камня воду и уподобившагося Іисусу относительно солнца. И сказалъ имъ митрополитъ: „запертъ ли гробъ этого мученика?“ Они отвѣчали: „нельзя войти туда и поставить ногу отъ большей тѣсноты, происходящей отъ костей святыхъ“. И сказалъ онъ имъ: „скажите мнѣ, какой видъ имѣетъ гробъ его?“ Они сказали: „въ ковчежцѣ среди алтаря жертвы (mā'kala altāra mēsaw'ē)“. И онъ приказалъ имъ вынести ковчежець Аарона дивнаго и сказалъ: „выкопайте святилище справа отъ прежняго, и помѣстите тамъ учителя закона, а прежде, гдѣ нагромождены тѣла мучениковъ, запретите, чтобы не ступала нога человѣка, и не видѣли сокровища Божія, которое драгоценнѣе золота и серебра и камня топаза и сапфира. „И сдѣлали они такъ, какъ имъ было приказано; выкопали это святилище, внесли туда ковчежець съ мощами дивнаго Аарона со славою и честію, и помѣстили таботъ на гробъ его до сего дня и до нынѣ, на вѣки вѣковъ. Аминь“.

f. 52.

Житіе принадлежитъ къ тому же циклу „гоненія“, что и предыдущее, и по времени написанія вѣроятно современно ему. Уже при бѣгломъ чтеніи бросаются въ глаза особенности его повѣствованія о томъ же событіи: на главный планъ выдвигнутъ духовный отецъ прославляемаго святого—Бацалота-Микаэль; самъ онъ, хотя еще юный и только діаконъ, тоже занимаетъ не послѣднее мѣсто; равнымъ образомъ не Дабра-Либаносъ, а Дабра-Голь—монастырь этихъ двухъ героевъ выставляется оплотомъ митрополита въ борьбѣ съ незаконнымъ царемъ. Новымъ „Петромъ“ названъ Бацалота-Микаэль; имена его 12 помощниковъ также не тѣ, которыя намъ извѣстны изъ дабра-либаносскихъ источниковъ ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ хронологія житія не представляетъ затрудненій: При царѣ Амда-Сіонѣ Ааронъ выступаетъ въ борьбѣ съ нимъ митрополита подъ началомъ у Бацалота-Микаэля, потомъ съ царемъ Сайфа-Арадомъ борется уже онъ самъ; наконецъ говорится о чумѣ, опустошившей основанную имъ обитель. Это моровое повѣтріе, къ счастью, отмѣчено у Мавризи: „въ 39 годъ царствованія Шебабъ-Эдина погубило множество мусульманъ и христіанъ, и самъ Хати умеръ; ему наслѣдовали мальчики, имѣвшіе пребываніе, подобно султану Бадла въ странѣ Дехръ“. Дѣло идетъ о смерти царя („Хати“) Такла-Марьяма, внукъ и шестомъ преемникъ царя Сайфа-Арадъ, царствовавшего отъ 1429 по 1433 годъ и оставившаго престолъ двумъ сыновьямъ: Сараве-Іяусу и Амда-Іяусу, сидѣвшимъ одинъ за другимъ всего около года, пока наконецъ не вступилъ на престолъ ихъ дядя, знаменитый Зара-Якобъ. Аксумская хроника, какъ извѣстно, для этого

¹⁾ Только два изъ нихъ общи съ данными въ „родословіи“—Филиппъ и Гонорій. Страданія этихъ двухъ преподобныхъ были прославлены во всей Эіопіи, отмѣчены лѣтописями и церковными службами. Зара-Крестосъ, упоминаемый въ житіи Аарона въ числѣ мамхеровъ на послѣднемъ мѣстѣ, вѣроятно тождественъ съ одноименнымъ „царскимъ священникомъ“, пострадавшимъ вмѣстѣ съ Филиппомъ и упоминаемымъ въ его житіи.

періода даетъ крайне скудныя свѣдѣнія, а потому упоминаніе о морѣ для насъ интересно; его согласіе съ другимъ современнымъ и, притомъ иностраннымъ источникомъ, говоритъ въ пользу источниковъ нашего житія. Что здѣсь имѣется въ виду то же самое моровое повѣтріе, вытекаетъ изъ простого хронологическаго расчета ¹⁾: по смерти Аарона въ Дабра-Фаранѣ сидѣло два настоятеля; потомъ, послѣ бѣгства монаховъ приходятъ на ихъ мѣсто другіе изъ Тигрѣ, затѣмъ уже ихъ настигаетъ моръ. Этихъ событій, вмѣстѣ съ дѣятельностью Аарона при Сайфа-Арадѣ достаточно для времени отъ 1342 по 1433 годъ. Къ сожалѣнію, въ текстѣ житія допущено нѣкоторое противорѣчіе. На л. 41 говорится, что ученики Аарона жили въ Дабра-Дарэтѣ (или Фаранѣ) „до времени мора“, тогда какъ въ концѣ рукописи (л. 51) рассказывается объ бѣгствѣ „изъ страха изгнанія“ и прибытіи на ихъ мѣсто монаховъ изъ Тигрѣ. Противорѣчіе м. б. объясняется тѣмъ, что послѣдніе также принадлежали къ числу учениковъ Аарона, такъ какъ и въ Тигрѣ онъ „основалъ много обителей“ (л. 22). О противорѣчій въ имени митрополита и тиграйскаго мамхера, пришедшаго возобновлять ааронову обитель, мы уже говорили. Конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что митрополитомъ въ это время Салама III быть не могъ; что касается до его преемника Вареоломея II, то и его имя, пови-

¹⁾ А потому едва ли дѣло можетъ идти о томъ морѣ, который упоминается въ хроникѣ царя Зара-Якоба (Perruchon, Les Chroniques etc. p. 73 93). И о немъ говорится также, что „умерло такъ много людей, что некому было погребать мертвыхъ“. Царь строитъ по этому случаю Bēta Qirkos и принимаетъ экстренныя мѣры для погребенія. Были образованы особые принудительные союзы „Соборъ Евангельскій“ для этой цѣли. Сеюмы получили полномочіе конфисковать имущество отказывавшихся отъ участія въ этихъ союзахъ. Этотъ моръ относится далеко не къ началу царствованія Зара-Якоба. Онъ упоминается уже послѣ основанія Дабра-Берхана; сказано, что царь „уже долго жилъ“ тамъ; скорѣе можно думать, что новое несчастіе постигло страну въ концѣ его царствованія. Во всякомъ случаѣ интересно это упоминаніе въ томъ отношеніи, что указываетъ на частое повтореніе моровыхъ повѣтрій въ Абиссиніи.

димому, является результатом недоразумѣнія. Едва ли, прибывъ еще при Сайфа-Арадѣ этотъ іерархъ могъ дожить до 1434 г.; что онъ еще занималъ эіопскую кафедру при царѣ Исааѣ (1414—29), объ этомъ у насъ есть достовѣрное свидѣтельство царя Зара-Якоба ¹⁾. Интересно было бы знать какого рода гоненіямъ подвергались въ Дабра-Дарэтъ оба преемника Аарона и за что ихъ изгнали изъ монастыря. Едва ли это было дѣломъ Сайфа-Арада; про его преемника хроника прямо говоритъ: „о немъ ничего неизвѣстно“, несмотря на его десятилѣтнее царствованіе; то же самое сказано о царѣ Θεодорѣ I.

Географія житія также въ общихъ чертахъ поддается опредѣленію, по крайней мѣрѣ въ той части, гдѣ дѣло идетъ о главной части монашескихъ подвиговъ святого. Авторъ видимо старался быть точнымъ въ данныхъ этого рода; онъ не только называетъ всѣ мѣстности ихъ именами, но часто не скупится и на поясненія ихъ положенія относительно другихъ областей. Мѣстами онъ даже нагромождаетъ географическія имена. Къ сожалѣнію, не всегда его усилія оказываются для насъ полезны: мы слишкомъ плохо знаемъ географію Абиссиніи. Уже мѣсто его родины не можетъ быть точно опредѣлено. *Gambaj* или *Gambjā* въ другихъ источникахъ пока не встрѣчаются; что касается поясняющаго его *Sagüädä*, то можно, подъ большимъ сомнѣніемъ, высказать предположеніе о тождествѣ его съ горой *Saguedo* на картѣ

¹⁾ Dillmann, Zur Regierung etc. p. 43. Замѣтимъ впрочемъ, что хронологія эіопскихъ митрополитовъ далеко еще не можетъ считаться установленной. Такъ наз. списки ихъ уже оцѣнены по заслугамъ Dillmann'омъ (*Zur Geschichte d. Axumit. Reiches*, p. 22) и Guidi (*Le liste dei Metropoliti d'Abissinia*. Roma 1899). Ихъ недостовѣрность бросается въ глаза съ перваго взгляда. Вареоломей находится только въ спискѣ типа, названнаго Guidi въ упомянутомъ изданіи первымъ. При имени его (на XVI мѣстѣ) приписано: „который сидѣлъ при царѣ Сайфа-Арадѣ“... Только на этомъ шаткомъ основаніи приходится заключать о началѣ его пресвященствованія.

Simon и *Sagaado—d'Abbadie* на с. Годжама у верховьевъ р. *Bair*, въ сѣв. оконечности плато Шоке. Монастырь Бадалота-Микаэля *D. Gol*, я думаю, не имѣетъ ничего общаго съ упоминаемымъ *Gol* и *d. Gol* въ хроникѣ Сисинія—тотъ находится въ Годжамѣ, а не въ Амхарѣ ¹⁾; упоминаемый въ хроникѣ Зара-Якоба скорѣе подходилъ бы для насъ, но о немъ рассказывается, какъ о впервые основанномъ этимъ царемъ. Впрочемъ имя „*Gol*“ встрѣчается неоднократно въ Абиссиніи. Области изгнанія Аарона: Анготъ, Тигре, Тамбенъ, Вагъ, Ласта (съ городомъ Роха и его мѣстностью Варваръ), Шадахо достаточно извѣстны и находятся на любой картѣ. Дабра *Qatin* и *Darēt* не встрѣчаются въ другихъ источникахъ, но мѣстоположеніе ихъ опредѣлено достаточно ясно: слѣпой показываетъ ихъ на западъ отъ Роха; чтобы дойти до нихъ, Ааронъ переходитъ Такаццу; области, близъ которыхъ они расположены, названы *Maqēt*, *Asasa*, *Wadlä*, *Dawent*. Я думаю, что мы не погрѣшимъ, принявъ *Darita* на современныхъ картахъ (м. пр. Пертеса, *Africa*, section 6) за *Dabra Darēt*. Пунктъ этотъ указанъ въ Вегамедрѣ къ с. отъ Ейфага. Вліяніе Аарона простиралось и въ югу отъ Джидды, въ область Давентъ, гдѣ находится г. Магдала. Я думаю, что этимъ обстоятельствомъ м. б. и объясняется присутствіе рукописи житія среди коллекцій Британскаго музея. Въ магдальской библиотекѣ Θεодора II, захваченной англичанами, была вполне умѣстной рукопись житія мѣстнаго святого.

Путь изгнанія святыхъ также въ общемъ понятенъ. Изъ области *Maqēt* ихъ гонятъ чрезъ р. Башело въ Амхару. Гдѣ въ этой области столь часто упоминаемый въ нашемъ житіи г. Хольо, мы не знаемъ, но интересно, что дворъ, повидимому, въ это время пребываетъ въ Амхарѣ. Далѣе царь

¹⁾ Между pp. Муга и Ябартъ, близъ Назрита, подъ 10°31¹/₂' м. и 37°59' д. *Pereira*, *Susneyos* II, 358.

отправляетъ монаховъ на самый крайній югъ Абиссинскаго государства — за р. Хавашъ на цѣлыхъ 8 дней пути, въ область Занго, „откуда можно издали видѣть озеро Зевай“. Страна Занго упоминается въ хроникѣ царя Баэда-Марьяма ¹⁾, какъ мѣсто его воспитанія; по контексту этихъ упоминаній можно догадаться, что оно лежитъ далеко на югъ отъ Тагвельга и Дабра-Берхана; что же касается Зевай, то это озеро по ту сторону Хаваша съ островами и монастырями, въ области Гурагве. Крайне интересно, что и Филиппъ также м. пр. былъ сосланъ на островъ озера Звай или Зой, можетъ быть даже одновременно съ Аарономъ.

Подробности житія интересны и въ культурно-историческомъ отношеніи, особенно данныя объ основаніи монастырей и насажденіи въ пустыняхъ не только христіанства, но и земледѣлія. Если краткое житіе преподобнаго Іасу рисуе намъ ультра-аскетическіе идеалы абиссинскаго монашества, то Ааронъ является представителемъ его заслугъ съ другой стороны. Что касается чудесъ, то они въ достаточной степени шаблонны; нѣкоторыя изъ нихъ являются неоднократно въ житіяхъ абиссинскихъ святыхъ. Характерно отсутствіе посмертныхъ чудесъ.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ мѣстнымъ святымъ области, лежащей между Тигре и Амхарой, о которомъ „твердилъ весь Бегамедеръ“, со святымъ, имѣвшимъ несомнѣнно, несмотря даже на обычныя и очевидныя преувеличенія житія, весьма важное значеніе въ культурной исторіи этихъ мѣстностей. Его участіе въ памятной борьбѣ, когда церковь дерзнула высказать свой голосъ по поводу соблазновъ, подававшихся свѣтскимъ владыкой, дѣлаеъ его жизнеописаніе особенно интереснымъ. Особенности повѣствованія объ этомъ важномъ событіи, рассказанномъ съ точки зрѣнія почитателей святого,

еще разъ заставляють насъ сожалѣть о невозможности воспользоваться житіями другихъ дѣятелей эпохи, напр., Бацалота-Микаэля, и особенно Гонорія, который по краткой хроникѣ игралъ въ ней первенствующую роль. Интересно, что житіе Евстаѳія по редакціи Orient. 702 также упоминаетъ только объ одномъ Бацалота-Микаэлѣ, какъ объ обличителѣ царя и сподвижникѣ митрополита Іакова. Выше, говоря о житіи Филиппа, мы указывали отчасти на эти особенности. Замѣтимъ еще здѣсь, что Іаковъ ставитъ мамхеровъ, не какъ постоянное учрежденіе, долженствующее замѣнить епархіальное начало, а специально для борьбы съ царемъ; мамхеры ставятся не надъ одной землей Шоа (хотя и въ житіи Филиппа это не вполне выдержано). Кромѣ нихъ являются еще 72 „ученика“, и т. д. Словомъ, исторіи великой борьбы разсказывается вездѣ по своему, и это заставляеъ насъ относиться съ особенной осторожностью ко всякимъ ея изложеніямъ. Нельзя не отмѣтить и того страннаго параллелизма, который бросается въ глаза при сравненіи двухъ этихъ житій. Приходъ Аарона къ Бацалота-Микаэлю напоминаетъ прибытіе Филиппа въ Дабра-Либаносъ, поруганіе монаховъ и ихъ обличенія напоминаютъ также то, что говорится о Филиппѣ; завистливый монахъ-соперникъ Такла-Хайманотъ — двойникъ Заамануэля; даже строки, направленные противъ него авторомъ житія, близко подходятъ къ монологу дабра-либаносскаго автора. Наконецъ, характерна даже такая мелочь, какъ чудо съ углями, неугасавшими до возвращенія въ одномъ случаѣ митрополита Іакова, въ другомъ — Аарона и его братіи. Объ озерѣ Зевай мы уже говорили.

Является вопросъ, тождественъ ли Бацалота-Микаэль житія Аарона съ тѣмъ, который извѣстенъ изъ повѣствованій о Такла-Хайманотѣ. Событія, при которыхъ пришлось подвизаться первому лѣтъ на сорокъ моложе тѣхъ, въ которыхъ участникомъ былъ Такла-Хайманотъ, а Бацалота-Микаэль

¹⁾ Ferruchon, Les chroniques de Zara-Yaeqob etc. p. 155, 179.

былъ его учителемъ въ монашествѣ, и онъ служилъ ему. Конечно, примѣры такого долготѣтя ничего безусловно невозможнаго въ себѣ не заключаютъ; напротивъ, та роль, какую приписываютъ Бадалота-Микаэлю житія Аарона и Евстаѳа, нашла бы себѣ въ этомъ долготѣтїи наилучшее объясненіе: Если Филиппъ вступилъ противъ беззаконія царя, какъ эчегге, Гонорій, какъ областной мамхеръ, то Бадалота-Микаэль сталъ на стражѣ благочинія, какъ старѣйшій монахъ, авторитетъ котораго признавался и дабра-либаносцами. Къ сожалѣнію недоступность житія этого святого лишаетъ насъ возможности рѣшить этотъ вопросъ, и мы принуждены довольствоваться тѣмъ скуднымъ и подозрительнымъ матеріаломъ, которымъ насъ снабжаютъ монашескія „родословія“. Въ данномъ случаѣ они не лишены интереса уже потому, что помѣщаютъ Бадалота-Микаэля рядомъ съ Аарономъ, по всей вѣроятности, нашимъ. Въ приведенной Бассе съ париж. рукописи 160 дабра-либаносской генеалогіи мы читаемъ: „Abba Filpos eut pour fils spirituel Aron par le froc et la stole; Aron beaucoup de docteurs dans le Begameder et à Efrac; il donna le froc et la stole à Abba Bas'alota-Mikael après l'avoir pour disciple. Abba Bas'alota-Mikael reçut la ceinture et la tunique de Bas'alota-Mikael (?) de Gestia“¹⁾. Въ бывшей у меня подъ руками дабра-либаносской родословной по рукописи № 137 Національной Библіотеки соотвѣтствующее мѣсто гласитъ такъ²⁾: „И аввѣ Аарону далъ авва Бадалота-Микаэль рясу (qamisa) и поясъ (qēnāt), послѣ того, какъ тотъ сталъ ему ученикомъ. Авва же Бадалота-Микаэль получилъ рясу и поясъ рукою отца нашего (abuna) Бадалота-Микаэля, клобуекъ же (qobā) и мантию (askēmā) далъ ему отецъ нашъ Филиппъ, пастырь пастырей. И авву Георгія постригъ въ монахи авва Баца-

¹⁾ Les apocryphes éthiop. VIII, p. 19.

²⁾ f. 102 v.—103.

лота-Микаэль изъ Гасча“. Такимъ образомъ, оказывается какъ бы два Бадалота-Микаэля: старшій и младшій; первый называется даже абупа—„отецъ нашъ“, что вполне понятно въ устахъ ученика Такла-Хайманота¹⁾. Было ли это такъ, сказать мы не въ состояніи. Повидимому, за это говорить, кромѣ хронологіи, также и то обстоятельство, что Бадалота-Микаэль старшій носитъ спеціальныи эпитетъ „изъ Гасча“²⁾; подобные эпитеты при именахъ преподобныхъ болѣею частью обозначаютъ не мѣсто ихъ рожденія, а монастыри, гдѣ они подвизались³⁾; между тѣмъ, Ааронъ постригается не въ Гасча, а въ Дабра-Голь. Оба монастыря лежали въ Амхарѣ, но гдѣ находился Гасча, мы не знаемъ⁴⁾.

Если упоминаемый въ приведенной генеалогіи Ааронъ тождественъ съ тѣмъ, житіе котораго было предметомъ нашего изслѣдованія (а на это указываетъ кромѣ совпаденія эпохъ, имени Бадалота-Микаэля также указаніе на мѣсто его просвѣтительной дѣятельности—Бегамедерѣ), то предъ нами еще одинъ примѣръ монашеской тенденціозности и мѣстнаго патріотизма: по дабра-либаносской родословной Ааронъ оказывается получившимъ великій постригъ отъ Филиппа. Между тѣмъ, въ житіи не только нѣтъ на это никакого намека, но даже мы могли подмѣтить подозрительный параллелизмъ въ описаніи

¹⁾ Я думаю, излишне распространяться, что „metropolitain“ у Зотанбера (Catal. p. 191, 21 f.) при имени Бадалота-Микаэля является, какъ и въ другихъ случаяхъ, продуктомъ недоразумѣнія со словомъ „абупа“.

²⁾ Подобно современнику Евстаѳа—аввѣ Георгію, „владыкѣ часовъ“ (ba'ala sa'atāt) хроника (Basset, Etudes, J. As. 1881, 17, p. 324).

³⁾ Напр. „Самуилъ изъ пустыни Вали“, „Филиппъ изъ Дабра-Бизанъ“ и др.

⁴⁾ См. Болотовъ, *Христ. Чт.* 1898, I стр. 192 пр. 4. Нельзя ничего извлечь и изъ житія Такла-Хайманота по рукоп. 137 Націон. Библіотеки. F. 60 v. святой получаетъ свыше повелѣніе идти „въ Амхару“; онъ встрѣчаетъ монаха „изъ страны амхарской, изъ монастыря аввы Бадалота-Микаэля“. Далѣе (f. 63) они приходятъ внезапно „на мѣсто, куда повелѣлъ ему идти Господь“, и онъ узнаетъ, что это обитель Бадалота-Микаэля *гешского* (Za-Gēša).

подвиговъ. Кто здѣсь болѣе правъ, рѣшить пока мы не въ состояніи; несомнѣнно же то, что подъ извѣстіями о двухъ постригахъ должны скрываться тенденціозныя комбинаціи эѳіопскихъ монастырскихъ писателей.

Евстаѳій.

Житіе и чудеса знаменитаго основателя монашества по евстаѳіанскому уставу съ его крайнимъ монофиситствомъ принадлежитъ, конечно, къ числу наиболѣе распространенныхъ произведеній эѳіопской агиографіи, и извѣстно въ европейскихъ собраніяхъ въ количествѣ пяти списковъ: четырехъ въ Британскомъ музеѣ ¹⁾ и одного въ Ватиканѣ ²⁾. Изъ нихъ нами были обслѣдованы имѣющіеся въ Британскомъ музеѣ, кромѣ того, проф. Guidi мы обязаны любезнымъ сообщеніемъ выдержки изъ ватиканскаго кодекса.

Изъ рукописей Британскаго музея двѣ Orient. 704 и Orient. 705 даютъ текстъ совершенно тождественный; немногочисленные варианты крайне несущественны; различіе между этими двумя рукописями заключается лишь въ томъ, что въ первой недостаетъ нѣсколькихъ чудесъ Евстаѳія, а во второй за житіемъ этого преподобнаго слѣдуетъ большое сказаніе объ его ученикѣ Габра-Іасусѣ, которое намъ придется также разсмотрѣть. При изданіи и переводѣ житія Евстаѳія мы положили въ основаніе текстъ этихъ рукописей, указавъ какъ ихъ разночтенія, такъ отчасти и варианты двухъ остальныхъ изъ Лондонскихъ рукописей: Orient 702 и 703. Обѣ они отличаются какъ отъ двухъ первыхъ, такъ и между собой въ

¹⁾ Wright, Catalogue, pp. 185--6.

²⁾ Conti Rossini, Appunti ed osservazioni etc. (*Rendiconti* etc. IV, 356 n. 2. Упоминаемый въ Catal. raisonné d'Abbadie, p. 52 „gadla Ewostatēwos“, вѣроятно повѣствуетъ о великомуч. Евстаѳіи (Плакидѣ): за это говоритъ краткость (13 листовъ) и помѣщеніе въ одной книгѣ съ житіемъ Стефана Первомученика.

гораздо болѣе степени. Различія касаются не только отдѣльныхъ словъ или выраженій, но идутъ гораздо дальше: весьма часто они излагаютъ факты въ болѣе краткой формѣ, замѣняютъ одни отступленія и ссылки на св. Писаніе другими, а мѣстами даже передаютъ самые факты иначе. Однако и при такихъ условіяхъ, сквозь эти различія проглядываетъ оригиналъ, общій всѣмъ тремъ редакціямъ. Какая изъ нихъ къ нему ближе, трудно сказать. Orient. 702 производитъ впечатлѣніе болѣе близости къ историческому стилю, тогда какъ Orient. 704 и 705—произведенія всецѣло гомилетикориторическія. Въ рукописяхъ есть, впрочемъ, одно мѣсто, которое можно было бы понять, какъ указаніе на время и способъ составленія ихъ житія. Описавъ чудо Евстаѳія, рассказывающее, какъ одинъ такла-хайманотовскій монахъ видѣлъ его небесную славу въ дни дабра-либаносскаго настоятеля Андрея, авторъ прибавляетъ: и я, переписавшій (za-'a'ēlawkēwa) сію книгу и слышавшій изъ устъ такванеп'а этотъ рассказъ "... Глаголь alawa въ causat. можетъ имѣть значеніе „переписать“ и „перевести“ съ другого языка; можетъ значить также и пересказать, переложить. Какое значеніе имѣетъ онъ здѣсь, я не знаю. Выдаетъ ли авторъ свое произведеніе за переводъ съ арабскаго, или за пересказъ чужого оригинала, или просто за копію его, опредѣлить я не въ состояніи. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что въ описаніи того же чуда въ рукописи Orient. 702 этой приписки нѣтъ. Время настоятельства Андрея падаетъ на царствованіе Зара-Якоба ¹⁾, которое, такимъ образомъ, можно было бы признать датой произведенія, если бы въ той же рукописи не было другого мѣста, вызывающаго на весьма интересныя соображенія. Прощаясь со своимъ ученикомъ Абсади, которому онъ поручилъ свое стадо предъ отправленіемъ въ Іерусалимъ и Арменію,

¹⁾ Perruchon, Les chroniques de Zara-Yaeqob... Par. 1893, p. 99, 100.

Евстаеій говорить (f. 31): „поучайся въ книгахъ заповѣдей и блюди законъ канонѡвъ Св. Троицы, ибо придуть послѣ меня волки хищные, вѣроотступники, епископы, которые измѣнять законы и заповѣди отцовъ нашихъ апостоловъ, опредѣлившихъ и установившихъ вѣру православную. Это — епископы еретики и идолослужители и несторіане, которые измѣнять вѣру, будутъ четверить Св. Троицу и перекрещивать вторично... будь твердъ и не бойся, ибо ты побѣдишь Николаитовъ“. Такія слова могли быть произнесены только по адресу или „франковъ“, или самыхъ умѣренныхъ монофиситовъ во время пресловутыхъ споровъ о трехъ рожденіяхъ, соединеніи и помазаніи. Въ частности, кого разумѣть подъ Николаитами? Я не думаю, чтобы можно было имѣть въ виду древнихъ еретиковъ I-го вѣка. Агіобіографъ м. б. только приурочилъ имя, извѣстное ему изъ апокалипсиса (II, 6) къ современному ему еретикамъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ именемъ несторіанъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, ставятся монофиситами на одну ступень съ православными, которыхъ обвиняютъ въ четвереніи Св. Троицы такъ же, какъ наши старообрядцы — латиняны изъ-за filioque. Такимъ образомъ, основаніе для бранной влички понятно. Но какимъ образомъ можно сравнивать такла-хайманотовцевъ или, если угодно, франковъ, съ Николаитами? Правда, послѣдніе были антимисты, но во-первыхъ, это едва-ли было доступно оцѣнкѣ эіопскаго писателя, во-вторыхъ, антимистическое направленіе николаитовъ было совершенно другого характера, чѣмъ то, которое появилось въ Абиссиніи у монаховъ противоположнаго евстаеіанству лагеря; наконецъ, въ рѣчи Евстаеія нѣтъ и намекъ на вѣрность закону Моусееву: онъ предостерегаетъ не противъ его противниковъ, а противъ учителей діофиситскаго направленія. Естественноѣ всего предположить, что это пророчество появилось подъ вліяніемъ извѣстнаго диспута на соборѣ 7 октября 1681 г. Акала-Крестоса и Николая, когда послѣдній, представитель

добра-либаносскаго направленія, одержалъ верхъ надъ своимъ противникомъ, представителемъ евстаеіанскаго образа мыслей и когда царь Іоаннъ I, ставъ на сторону „ніколаитовъ“, подвергъ изгнанію иномудрствующихъ ¹⁾. Конечно, если даже и такъ, все-таки это мѣсто не даетъ намъ права датировать все произведеніе XVII вѣкомъ; оно могло быть простой вставкой озлобленнаго монаха. Имѣется оно только въ рукописи Orient. 705 и тождественной съ нею — 704; въ другихъ его нѣтъ.

Ватиканская рукопись, насколько я могу судить по выдержкѣ, любезно сообщенной мнѣ проф. Гвиди, даетъ текстъ, весьма близкій къ Orient. 702 Британскаго музея, но написана довольно безграмотно. К. Россини относитъ его къ XV вѣку.

Синаксарное житіе имѣетъ нѣкоторыя особенности, которыхъ намъ придется коснуться въ свое время.

Въ литературномъ отношеніи всѣ пространныя житія Евстаеія въ большей или меньшей степени отличаются обиліемъ риторики, панегирическихъ, нерѣдко стихотворныхъ отступленій, вставками длинныхъ рѣчей и щедростью на библейскія цитаты. Авторы понимаютъ священное писаніе въ широкомъ, эіопскомъ смыслѣ, не дѣлая различія между книгами каноническими, апокрифами и псевдоэпиграфами; мы встрѣчаемъ то и дѣло ссылки на третью книгу Эздры, книгу Эноха, Юбилеевъ, апостольскія постановленія. Характерно вообще для данныхъ житій широкое вліяніе апокрифической литературы. Такъ, странное имя „Ярико“ для Средиземнаго моря идетъ несомнѣнно изъ коптскихъ актовъ Ап. Андрея и Вартоломея ²⁾. Авторъ зналъ сказанія о кончинѣ Ап. Павла, знаетъ и акты Прохора объ Іоаннѣ Богословѣ ³⁾. Онъ начи-

¹⁾ В. В. Болотовъ, Нѣсколько страницъ изъ церковной исторіи Эіопіи. *Христіанское Ученіе*. 1888, 36 сл. Guidi, Uno Squarcio di Storia ecclesiastica di Abissinia. Roma 1900, p. 17 sq.

²⁾ Lipsius, Die Apokryph. Apostelgeschichten, II; 2, p. 76 sq.

³⁾ Ibid, I, p. 366 sq.

тань и въ исторіи—можетъ сослаться на примѣръ ревности „царя Гонорія“¹⁾, и даже дерзаетъ приводить этимологию имени своего святого. „Красота Господня“, конечно, получилась изъ Ewo-sta-(t)-tewos. И т. д.

Вообще, въ виду совершенно исключительнаго интереса, представляемаго этимъ житіемъ, и важности евстаѳіанства въ исторіи эіопской культуры, мы рѣшились дать въ приложеніи полный переводъ его. До сихъ поръ намъ были извѣстны только послѣдующіе судьбы этого своеобразнаго монашескаго братства, его расколъ и примиреніе съ оффиціальною церковью при Зара-Якобѣ, его борьба съ дабра-либаносцами изъ-за тонкостей монофиситства, его побѣда, обусловленная реакціей противъ латинства, сочувствіемъ митрополитовъ и наконецъ фанатизмомъ Іоанна IV. Всѣ эти перипетіи, пройденныя евстаѳіанствомъ на пути отъ опальной секты до церковнаго господства, намъ достаточно извѣстны и были неоднократно предметомъ изслѣдованія не только въ иностранной, но и въ русской ученой литературѣ. Между тѣмъ о происхожденіи и первоначальной исторіи евстаѳіанства до сихъ поръ мы имѣли возможность составить представленіе только по нѣсколькимъ строкамъ, посвященнымъ Евстаѳію у Людольфа²⁾, да по краткому резюмѣ синаксарнаго житія его въ каталогѣ Зотанбера³⁾. Найденныя Conti Rossini житія учениковъ этого святого—Филиппа Бизанскаго и Іоанна еще ждутъ изданія. Такимъ образомъ приведенное житіе—пока единственный источникъ по интересующему насъ вопросу. И надо признаться, оно составлено такъ, какъ только и могло быть написано сказаніе объ основателѣ новаго толка спустя нѣсколько поколѣній его фанатическими послѣдователями. Не говоря уже

¹⁾ Источникъ его свѣдѣній мнѣ неизвѣстенъ.

²⁾ Hist. Aethiop. 3, 3, 30. Comment. cap. n. XIX, § 2 (p. 286). Ad Calendarium № XXXVIII.

³⁾ Catal., p. 155, 18.

о томъ, что даже для эіопскихъ писаній чудесный элементъ здѣсь чрезмѣренъ, повѣствуя и о хожденіи по морю, и о скалахъ, остановившихся въ немъ, о шествіяхъ по облаву изъ Арменіи въ Эіюсію, о воскрешеніи мертвыхъ и т. п., самый тонъ и способъ изложенія заставляютъ насъ во всѣхъ редакціяхъ видѣть не столько повѣствованіе о святомъ, сколько длинный панегирикъ ему и его ученію, апологию и оправданіе послѣдняго. Автора не интересуется даже гдѣ родился святой, гдѣ находился монастырь его воспитателя—аввы Даниила; онъ не даетъ намъ, подобно другимъ агіобіографамъ, хронологическихъ указаній и подсчета лѣтъ жизни своего святого; самыя событія послѣдней, особенно за первый періодъ ея, онъ излагаетъ безъ связи, какъ рядъ анекдотовъ съ гомилетическими комментаріями и стихотворными вставками. Въ самомъ изложеніи попадаются если не противорѣчія, то недомолвки и неточности, могущія вызвать недоумѣніе. Въ житіи всюду выступаетъ изъ учениковъ святого одинъ Абсади, въ чудесахъ мы видимъ еще Габра-Іасуса и Филиппа Дабра-Бизанскаго; первому, кромѣ того, посвящено въ одной изъ рукописей особое длинное житіе, а второй—одинъ удостоенъ небесной славы, равной съ Евстаѳіемъ. Изъ трехъ хожденій во Іерусалимъ житія рассказываютъ только одно послѣднее, мотивъ котораго также не вполне понятенъ: сначала говорится, что „возгорѣлось сердце его любовью Духа Святаго, ибо онъ вспомнилъ пришествіе Господа“..., т. е. другими словами, захотѣлъ вновь поклониться мѣстамъ, освященнымъ евангельскими событіями; потомъ онъ самъ объявляетъ своимъ ученикамъ: „я хочу идти въ Іерусалимъ поискать закона и повелѣнія Бога моего“; наконецъ въ бесѣдѣ съ александрійскимъ патріархомъ, въ отвѣтъ на его предложеніе участвовать съ нимъ въ таинствахъ, сказалъ: „пришелъ я, чтобы умереть за слово Божіе, ибо не обрѣтаю я покоя въ мірѣ семъ“ и т. д. Подобное же говорилъ онъ и ученикамъ при прощаніи, ссылаясь на примѣръ Апо-

столовъ, ушедшихъ на проповѣдь и страданіе. Непонятна замѣтка объ изгнанномъ армянскомъ патріархѣ, о посѣщеніи котораго въ Александріи Евстаѳіемъ ничего не сказано послѣ того, какъ упомянуто о намѣреніи его „идти къ нему, чтобы узнать жизнь и увидѣть дѣянія его“. Непонятно и желаніе Евстаѳіа остаться въ пустыни Свитской въ то время, какъ онъ стремился во Іерусалимъ¹⁾ и т. д. Все это заставляетъ насъ признать, что авторы житій Евстаѳіа не хотѣли или не могли быть историками, ихъ писанія риторичны и тенденціозны. Уже самая исторія рожденія, представляющая столь частое „не бѣ има чада“ и рассказанная съ такими подробностями, должна выдѣлить Евстаѳіа изъ ряда другихъ святыхъ. Затѣмъ необычайныя событія ранняго дѣтства, шаблонное описаніе его добродѣтелей во время пребыванія въ монастырѣ, во время воспитанія, необычайныя явленія мальчику Спасителя, обещающаго ему власть, равную съ апостолами, и возвеличеніе „больше всѣхъ мамхеровъ“, замѣняютъ простой рассказъ о дѣйствительныхъ фактахъ, въ которыхъ жизнеописатель едва-ли даже былъ настоящимъ образомъ освѣдомленъ. Предъ доводами и исповѣданіемъ Евстаѳіа долженъ отступить самъ глава церкви — Александрійскій патріархъ: сначала уговоривавшій Евстаѳіа имѣть общеніе съ церковью, онъ, услышавъ его отвѣтъ: „въ Эѳіопіи говорятъ мнѣ: „нарушай субботы и праздники, какъ мы“, и я не повиновался; а здѣсь вы говорите мнѣ: „участвуй съ нами въ молитвѣ“, а сами не соблюдаете праздниковъ“, — „удивился и изумился и сказалъ: „воистину сей іерей препоясанъ двумя мечами Св. Духа, и кто противостоянетъ ему?“... и признался самъ въ своемъ безсиліи соблюдать апостольскія постановленія. Но до невозможной крайности доходитъ возвеличеніе Евстаѳіа въ „чудесахъ“. Здѣсь для по-

¹⁾ Нѣчто подобное есть и въ дabra-либаносскомъ житіи Такла-Хайманота, но тамъ посѣщеніе скита рассказано уже послѣ поклоненія святымъ мѣстамъ. (Almeida, о. с. р. 21).

читателей памяти его все оканчивается возможнымъ; онъ даже за это одно изводитъ изъ ада завѣдомыхъ грѣшниковъ. Онъ выставленъ выше всѣхъ „монаховъ Эѳіопіи“, выше Антонія Великаго; онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и приводитъ причину: „ради того, что я соблюлъ оставленный законъ и заповѣди“. Мало и этого — сама Богоматерь ходатайствуетъ предъ нимъ за одного грѣшнаго монаха, почитавшаго ее. Дальше этого едва-ли можетъ идти фанатическое недомысліе и сектантская тенденціозность.

Антагонизмъ двухъ главныхъ уставовъ абиссинскаго монашества и борьба двухъ направлений эѳіопской христологии и богословія вообще отразилась на нашемъ житіи въ гораздо большей степени, чѣмъ на другихъ произведеніяхъ этого рода, и дѣлаетъ съ этой стороны данный памятникъ особенно интереснымъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе заповѣдь Евстаѳіа своимъ ученикамъ не пользоваться подаеніемъ, а жить трудами рукъ своихъ, его постоянная забота платить за пропитаніе и услуги и не принимать никакихъ подарковъ ни отъ кого, будь то царь или армянскій патріархъ. Этотъ образъ дѣйствія, который онъ выводитъ изъ примѣра апостоловъ, идетъ гораздо болѣе къ скитскому уставу и представляетъ противоположность тому, что мы знаемъ о дabra-либаносской братіи, напр. въ житіи Филиппа. Общинамъ, покровительствуемымъ отъ царей и вельможъ, получавшимъ отъ нихъ богатые поземельные надѣлы и денежные вклады (обители девяти преподобныхъ, Дabra-Либаносъ, впоследствии общины Валатта-Петросъ на оз. Цана) здѣсь противопоставляются трудовыя братства, посвящающія только третью часть своего времени „покаянію, посту, молитвѣ, оставленію грѣховъ, жизни душъ и спасенію, „а цѣлыхъ двѣ трети года, употребляющія на „труды рукъ своихъ, отъ которыхъ они существуютъ“. Не найдемъ мы въ житіи Евстаѳіа перечисленій жалованныхъ угодій, но не найдемъ зато и увѣреній въ томъ, что у мо-

наховъ все было общее, и тѣхъ примѣровъ самоограниченія и самоотреченія въ пользу ближняго, которые такъ любятъ приводить житія подвижниковъ дабра-либаносскаго устава.

Другою основною чертою евстаѳіанства является, какъ извѣстно, субботствованіе. Долго это обстоятельство служило, да и теперь еще отчасти для многихъ служить, доказательствомъ мнимой связи эѳіопскаго христіанства съ іудействомъ. Уже то, что сообщилъ Дилльманнъ въ своемъ пересказѣ мѣста „Книги Свѣта“ царя Зара-Якоба, повѣствующаго о принятіи субботствованія всею эѳіопскою церковью и обусловленномъ имъ примиреніи съ нею евстаѳіанцевъ, достаточно выясняетъ позднѣйшее происхожденіе этого обычая, вышедшаго изъ монашескаго буквоѣдства и своеобразнаго пониманія евангельскаго „іота едина не преидеть отъ закона“. Житіе Евстаѳіа даетъ, конечно, для даннаго вопроса еще больше. Святой выводится какъ новый апостоль, призванный напомнить міру, „оставленный“ законъ Моусеевъ, сообщить ему настоящее число книгъ Св. Писанія, включивъ въ него и апокрифы, и псевдоэпиграфы. Еще Архангелъ благовѣствуетъ его матери, что онъ „будетъ толковать писанія пророковъ и объяснять законъ апостоловъ“... „премудрость источить изъ двухъ сосцевъ духовныхъ — изъ Моусея медъ и изъ Евангелія — млеко“. Это сопоставленіе двухъ частей откровенія въ связи съ настоячивою заповѣдью чтить субботу проходить красною нитью чрезъ все житіе. Источникомъ этого новаго ученія кромѣ „81 писанія“ (т.-е. Библии вмѣстѣ съ псевдоэпиграфами: книгой Эноха, Куфалѣ, Эздрой) выставляется извѣстный сборникъ апостольскихъ соборныхъ постановленій, прошедшій чрезъ монофиситскія руки еще въ Египтѣ, извѣстный у Абиссинъ подъ именемъ Синодосъ и соотвѣтствующій нашей Кормчей. Эта книга для Евстаѳіа, какъ впоследствии для Зара-Якоба, является, повидимому, столь же авторитетной, какъ и Библия, и онъ стремится, чтобы и для другихъ ея

постановленія были столь же авторитетны. На ея основаніи борется онъ съ дикими нравами жителей земли Сараве, которые „творили то, что, не повелѣно закономъ Господнимъ“. „Исканіе“ этого закона направляетъ святого за предѣлы родины, къ патріархамъ Александрійскому и Армянскому. Въ житіи его по редакціи Orient. 702 онъ отвѣчаетъ послѣднему, когда тотъ предлагаетъ ему деньги: „мы не хотимъ золота и серебра, ибо желаемъ мы канонѣвъ Апостольскихъ“... „И принесли ему Синодосъ, и возрадовался авва Евстаѳій, ибо нашель то чего искаль“, а въ резюмѣ житія, помѣщеннаго въ концѣ памятника въ качествѣ одного изъ чудесъ, Евстаѳій предъ кончиной завѣщаетъ своимъ ученикамъ по возвращеніи въ Эѳіопію рассказать своей братіи, между прочимъ, и о томъ, что „согласенъ залогъ (? ahaz) Синодоса Александріи и Арменіи съ Эѳіопскимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ заповѣдано о почитаніи двухъ субботъ“. Въ видѣніи, рассказанномъ въ одномъ изъ чудесъ, Евстаѳій получаетъ небесную славу, преимущественную предъ всѣми эѳіопскими преподобными за то, что „соблюдь каноны, установленные Апостолами (т.-е. Синодосъ), чтить въ точности субботы, и праздникъ Утѣшителя почиталь наравнѣ со днемъ Воскресенія Христова“. Послѣднее, на первый взглядъ странное и стоящее въ житіи одиноко обстоятельство, по всей вѣроятности, вытекаетъ изъ догматическаго буквоѣдства и обрядоваго педантизма евстаѳіанства. „Ученіе“ Евстаѳіа, какимъ мы его видимъ въ житіи, съ одной стороны заключается въ реабилитаціи ветхаго завѣта, съ другой — въ проведеніи въ жизнь апостольскихъ постановленій, съ третьей — въ постоянномъ напоминаніи о догматѣ Св. Троицы, о единосущи и равночестности Ея Упостасей. При томъ стремленіи евстаѳіанства немедленно прилагать отвлеченное ученіе на практикѣ и проводить его въ жизнь, могло показаться ненормальнымъ преимущественное прославленіе Второго Лица Св. Троицы, и естественнымъ результатомъ этого явилось

выдѣленіе Пятидесятницы — единственнаго праздника, посвященнаго преимущественно Св. Духу. И крайнее монофиситство евстаѳіанства вытекаетъ изъ того же ревностнаго не по разуму благоговѣнія предъ важнѣйшимъ христіанскимъ догматомъ. Православіе-де четверить Св. Троицу, проповѣдуя двухъ Христовъ, оно же есть-де въ то же время замаскированное несторіанство, такъ какъ дерзаетъ называть Спасителя и человѣкомъ — вотъ тѣ пугала, которыхъ страшились антихалкидониты, и которыя заставляли Евстаѳіа постоянно предостерегать своихъ учениковъ отъ имѣющихъ явиться послѣ него „волковъ хищныхъ, вѣроотступниковъ, епископовъ, которые измѣняютъ законъ и заповѣди Апостоловъ... идолослужителей, несторіанъ, которые измѣняютъ вѣру, будутъ четверить Св. Троицу и перекрещивать вѣрныхъ вторично“, далѣе онъ объединилъ ихъ подъ именемъ Николаитовъ, побѣду, надъ которыми обѣщаль своему ближайшему ученику Абсади, и въ которыхъ мы склонны видѣть если не франковъ, то по крайней мѣрѣ дабралибаносцевъ.

Намековъ на отношенія къ этой монашеской конгрегаціи въ нашемъ агіологическомъ памятникѣ не мало. „Монахъ въ землѣ Шоа“, къ которому ходили царскіе приближенные изъ Сараве и Буръ — конечно Такла-Хайманотъ. Устами самого основателя соперничающаго братства провозглашается такимъ образомъ святость Евстаѳіа, онъ самъ свидѣтельствуется, что видѣлъ его предъ престоломъ Божиимъ говорящимъ о богослуженствѣ своего ученія; онъ самъ-де слышалъ гласъ Божій, называющій его апостоломъ и подчиняющій ему весь міръ. О подобномъ же видѣніи рассказываетъ одинъ монахъ, также изъ братства Такла-Хайманота — онъ видѣлъ небесную славу Евстаѳіа и превознесеніе его предъ всѣми монахами Эѳіопіи. Наконецъ другой такла-хайманотовецъ пристыдилъ евстаѳіанца, рассказавъ неизвѣстное ему о чудѣ у гробницы святаго въ Арменіи. Все это доказываетъ, до какихъ предѣ-

ловъ можетъ дойти беззастѣнчивая тенденціозность. Но наши агіобиографы заносили въ свои труды не только случаи уваженія къ нимъ дабралибаносцевъ; они не скрывали и проявленій вражды. „Дурные монахи“, покушавшіеся на жизнь Евстаѳіа послѣ бесѣды его съ архіереемъ Іаковомъ и влеветавшіе на него предъ патриархомъ, были конечно они. Кромѣ того въ числѣ „чудесъ“ есть три, отражающія намъ немирныя отношенія двухъ монашескихъ уставовъ. Этотъ антагонизмъ былъ отчасти причиной временнаго отпаденія евстаѳіанцевъ отъ церкви; онъ же послалъ ихъ главу странствовать по единовѣрнымъ церквамъ христіанскаго Востока, о чемъ онъ, какъ мы видѣли, и сознался въ бесѣдѣ съ коптскимъ патриархомъ, хотя, конечно, его послѣдователи постарались облечь эти странствія ореоломъ апостольства, но сдѣлали это настолько неудачно, что даже не сгладили противорѣчій.

И такъ тонъ житія нельзя не признать апологетико-полемическимъ. Евстаѳіи несетъ свое ученіе и къ народу, и къ знати, и къ царю, и къ высшему духовенству. Онъ поучаетъ архіереевъ и патриарховъ, говорится о „принявшихъ“ его ученіе какъ о какой-то сектѣ. „Ученіе“ его получаетъ божественную санкцію, наконецъ онъ посылается нести его и за предѣлы Абиссиніи въ другія монофиситскія церкви; какъ новый апостоль шествуетъ онъ въ Нубію, Египетъ, Іерусалимъ, Кипръ и Арменію. Если такла-хайманотъ крестилъ пребывавшихъ въ его время въ язычествѣ шоанцевъ и истреблялъ тамъ колдуновъ, то апостолу XIV вѣка, да еще въ обращенномъ тысячю лѣтъ назадъ Тигре, это дѣлать приходилось рѣдко; но почитатели нашли для него другую, болѣе широкую дѣятельность, и послали миссіонеромъ въ священныя страны и къ единовѣрнымъ народамъ. Если Такла-Хайманотовцы въ одномъ мутномъ источникѣ, насилуя правду, включаютъ Евстаѳіа въ число учениковъ своего архегета ¹⁾, то евстаѳіане не оста-

¹⁾ Basset, Les apocryphes éthiop. VIII, 18.

ются въ долгу, клеймя ихъ несторіанами, четверичниками, рассказывая объ ихъ неудавшихся интригахъ и гоненіяхъ на Евстаѳіа, влагая въ уста самого Тагла-Хайманотъ свидѣтельство о святости ихъ главы. Но и этого имъ оказалось мало — они рассказываютъ о чудесахъ, въ которыхъ сами послѣдователи противнаго ордена не только волей-неволей убѣждаются въ превосходствѣ Евстаѳіа предъ ихъ учителемъ, но и являются убѣжденными проповѣдниками этого превосходства, поучая ему даже самихъ евстаѳіанцевъ.

Полемическая тенденція житія была у его автора на первомъ планѣ и заслонила, какъ мы уже имѣли случай сказать, его задачи, какъ біографа. Только изъ разныхъ намековъ можемъ мы заключить, что дѣло идетъ о сѣверѣ: Евстаѳій выходитъ на встрѣчу къ митрополиту Іакову въ Хамасенъ, имѣетъ дѣло съ князьями области Сараве; первымъ его этапомъ на пути въ Іерусалимъ оказываются Богосъ; многія чудеса его происходятъ въ Аксумѣ; основанный его учениками Дабра-Марьямъ, повидимому, тоже на сѣверѣ — вѣроятно въ области Геральта. Наконецъ Афла, куда помѣщаютъ Евстаѳіа дабра-либаносцы и гдѣ онъ, по ихъ словамъ, „получилъ въ качествѣ духовныхъ чадъ безчисленное множество монаховъ и монахинь“ — также лежитъ на сѣверѣ; по крайней мѣрѣ упоминается единственный разъ въ Аксумской хроникѣ какъ первый этапъ португальцевъ, прибывшихъ при Клавдіи, послѣ того, какъ они вышли изъ области бахръ-нагаша. Вѣроятно и монастырь аввы Данила, учителя Евстаѳіа, также былъ на сѣверѣ. Евстаѳіанское братство, дѣйствительно, всегда связано съ Тигре; крайнее монофиситство до сихъ поръ считается тиграйскимъ толкомъ, и распространеніе его въ Годжамѣ относится уже къ нѣсколько болѣе позднему времени. Такимъ образомъ опредѣляется мѣсто жизни и дѣятельности святого. Время ея намъ уже извѣстно даже изъ краткой редакціи Аксумской хроники, которая появленіе аввы Евстаѳіа помѣщаетъ подъ царствованіемъ Амда-

Сіона. Этотъ царь выступаетъ и въ житіи, причѣмъ рассказъ объ его отношеніи къ святому переданъ совершенно различно въ редакціи Orient. 704—5 съ одной стороны, и въ редакціи Orient. 702—съ другой. Рассказъ первой, какъ мы видимъ изъ его перевода, повѣтствуетъ о благосклонности Амда-Сіона къ Евстаѳію, награждаетъ перваго самыми лестными эпитетами и говоритъ объ его заслугахъ церкви и военныхъ подвигахъ. Въ устахъ монаха такое повѣствованіе о гонителѣ монаховъ, хотя главнымъ образомъ и дабро-либаносскихъ, конечно странно, и я думаю, другая редакція заслуживаетъ большаго довѣрія. Приводимъ и ее въ переводѣ:

„И во дни Амда-Сіона, царя эіопскаго, было гоненіе на мужей и женъ, на монаховъ и священниковъ. Говорилъ имъ царь: „будьте со мной заодно въ молитвѣ“. Отвѣчали всѣ единогласно царю: „мы не будемъ съ тобой заодно, ибо ты женился на женѣ отца твоего, что запрещаетъ законъ творить“. И опять сказалъ имъ царь: „будьте со мной заодно“. Отвѣчали ему авва Бацалота-Микаэль, авва Евстаѳій и всѣ мамхеры единогласно: „гласа твоего мы не послушаемъ, и повелѣнія твоего не исполнимъ, дѣлай съ нами, что хочешь, ибо готовы мы умереть ради закона Бога нашего“. И сказалъ Господь нашъ въ Евангеліи: „блаженни изгнанныи правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное“. Тогда изгналъ ихъ царь. И отецъ нашъ Евстаѳій ушелъ въ изгнаніе во дни Нагада-Крестоса, макванена Сараве. И было число изгнанныхъ съ нимъ 1000 человекъ. И когда увидѣлъ Варасина-Эгзію авву Евстаѳіа, полюбилъ его весьма, видя смиреніе его и кротость и доброе хожденіе безъ мірскаго попеченія. И сказалъ отецъ нашъ Евстаѳій Варасина-Эгзію: „живи съ одной женой, какъ заповѣдано христіанамъ. И нынѣ послушай, Варасина-Эгзію, такъ говоритъ Богъ: ибо тебя я поставилъ макваненомъ надъ народомъ моимъ, то не отниму я сана отъ тебя и дѣтей твоихъ и не обойдетъ рѣка земли твоей — Сараве“. Когда

сказалъ такъ отецъ нашъ Евстаѳій, сей послѣдователь про-
роковъ, отвѣчалъ ему Варасина-Эгзіа: „посоветуюсь со своимъ
народомъ“. Тогда сказалъ авва Евстаѳій: „отошелъ отъ него
санъ отъ дѣтей его и отданъ другой вѣтви изъ дѣтей отца
его“. Случилось такъ, и по сему онъ сталъ извѣстенъ, какъ
пророкъ“. Такимъ образомъ Евстаѳій выступаетъ здѣсь та-
кимъ же ревнителемъ чистоты семейныхъ отношеній и такъ же
основывается въ этомъ случаѣ на законъ Божій. Да и трудно
представить себѣ дѣло иначе. Едва ли этотъ ревнитель, не
вкушавшій 7 лѣтъ отъ земли плодовъ Сараве за многожен-
ство ея учителей, въ годину, когда всѣ лучшія силы эѳіопской
церкви возстали противъ беззаконій свѣтскаго владыки, мол-
чалъ и не принималъ участія въ общемъ благородномъ про-
тестѣ. Въ то дикое время, когда дабро-либаносскіе монахи,
на что намъ указываетъ житіе Филиппа, старались объ упо-
рядоченіи семейныхъ отношеній, основываясь на апостольскихъ
правилахъ, не могъ не дѣлать того же и на сѣверѣ подвиж-
никъ, поставившій цѣлью своей дѣятельности проведение въ
жизнь этихъ правилъ и „закона Господня“, изложеннаго
въ „81 писаніи“ и Синодосѣ. Предполагать въ данномъ слу-
чаѣ интерполяцію мы не имѣемъ основаній: едва ли послѣ-
дователь Евстаѳія, желавшій очистить своего авву отъ подо-
зрѣнія въ потворствѣ беззаконіямъ царя, ограничился отве-
деніемъ ему такой скромной роли; онъ помѣстилъ бы его въ
центрѣ движенія, а не на второмъ мѣстѣ послѣ Бацалота-
Микаэля вмѣстѣ съ другими мамхерами. (Во всякомъ случаѣ
характерно, что не дабра-либаносскіе мамхеры выведены,
какъ главные дѣятели). При общихъ масштабахъ житія это
было бы въ порядкѣ вещей и соотвѣтствовало тому, что мы
видимъ въ житіяхъ другихъ современниковъ этой бурной эпохи.
Но какъ объяснить тогда повѣтствованіе редкцій Orient. 704 и
705. Я не знаю. Можетъ быть авторъ, писавшій уже въ эпоху
примиренія евстаѳіанства съ церковью и чувствуя за него при-

знательность къ царю-богослову, склонившему церковь на
уступки, не хотѣлъ напоминать про мрачный моментъ въ
исторіи абиссинской царской власти, тѣмъ болѣе, что много-
женство въ это время сдѣлалось при дворѣ обычнымъ ¹⁾.
Не будетъ ли параллельно этому стремленію автора житія
очистить Евстаѳія отъ подозрѣнія въ безпоповствѣ, въ которое
по нуждѣ впади его послѣдователи: онъ не разъ приводитъ
его заповѣды ничего не дѣлать безъ епископа, говоритъ, что
уча, онъ „не удалялся отъ ограды церкви“ и сообщаетъ его
повелѣніе ученикамъ предъ разлукой съ ними: „не говорите:
у насъ нѣтъ священника“.

Далѣе житіе имѣетъ особенный интересъ потому, что пе-
реноситъ насъ за предѣлы Абиссиніи. Повѣтствованіе о хожде-
ніяхъ Евстаѳія удовлетворительно со стороны исторической
обстановки и представляетъ глубокой интересъ. Святой идетъ
черезъ область племени Богосъ ²⁾, потомъ черезъ Нубію. И тамъ
находитъ христіанское населеніе, что вполне вѣроятно, такъ какъ
нубійскія христіанскія царства держались до XV вѣка. Въ
Александріи онъ бесѣдуетъ съ патриархомъ Веніаминомъ.

¹⁾ Не лишено интереса и то курьезное обстоятельство, что въ офици-
альномъ сборникѣ „Egziabher nagasa“ Амда-Сіонъ убожается въ 25 строфѣ
мѣсяца магабита (прибл. 9 марта), какъ „сѣкира неврѣныхъ, воздвигавшій
повсюду храмы, прошедшій на конѣ отъ моря до моря“, т.-е. почти въ тѣхъ
же выраженіяхъ, что и настоящимъ житіи. Конечно, этой „святости“ не-
честиваго царя не знаютъ ни синаксари, ни людовольфовы святцы. Это еще
разъ указываетъ намъ на хаосъ, господствующій въ этой области; превоз-
носимый какъ святой въ одномъ источникѣ, въ другихъ едва не прокли-
нается, какъ беззаконникъ и нечестивый говитель. Вспомнимъ, что и при-
знанная синаксарями святость Пилата не помѣшала ревнителямъ націо-
нальной вѣры въ посланіи къ Сисинію обозвать папистовъ „отродьемъ
Пилата“.

²⁾ Данныя житія объ этомъ племени уже оцѣнены Conti Rossini,
имена вождей дали ему матеріалъ для предположеній о національности
Загвеевъ (*Rendiconti* IV, 356). Самый рассказъ далъ ему возможность при-
вести преданіе Богосъ о переселеніи съ юга—въ связь съ смутами X вѣка.
См. Note Etiopiche. Giornale d. Soc. Asiat. Italiana XI, 153—6. (Sopra una
tradizione bilin).

Дѣйствительно, отъ 1327 по 1339 г. коптскимъ патріархомъ былъ Веніаминъ II, но вопросъ о тождествѣ его съ упоминаемымъ въ житіи можетъ возникнуть благодаря хронологической неточности нашего автора. На пути изъ Кипра къ берегу Арменіи онъ влагаетъ въ уста Евстаѳіа прозорливыя слова о смерти Амда-Сіона. Этотъ царь умеръ, какъ извѣстно, въ 1344 г. Стало быть, если Евстаѳій былъ въ Александріи даже въ послѣдній годъ преосвященствованія Веніамина II, то и тогда его странствіе отъ Египта до Арменіи должно было продолжаться пять лѣтъ. Агіографъ, къ сожалѣнію, не говоритъ, сколько времени онъ употреблялъ на переходы, на пребываніе въ разныхъ пунктахъ, и мы лишены возможности провѣрить его историческую освѣдомленность.

Изъ Александріи Евстаѳій посѣщаетъ скитъ ¹⁾; отсюда — въ Іерусалимъ, гдѣ однако посѣщаетъ не патріарха, который былъ православнымъ, а епископа — конечно монофиситскаго ²⁾; на Кипрѣ также говорится объ епископѣ, вѣроятно армянскомъ, каедрѣ котораго находилась въ Левкосіи ³⁾. Кромѣ того, житіе сообщаетъ намъ любопытное свѣдѣніе о гостеприимствѣ, оказанномъ приплывшимъ чудеснымъ образомъ монахамъ „вѣрной Азисой“, занимавшейся обученіемъ дѣвицъ „тканью дорогихъ одеждъ“. Значитъ, и до Эѳіопіи дошла слава знаменитаго „opus Surrigium“ — извѣстныхъ во всемъ средневѣковѣ кипрскихъ золотыхъ тканей ⁴⁾. Это будетъ вполне

¹⁾ Нельзя ли допустить, что имя наставника Евстаѳіа по синаксарю — Захарія (а не Даніиль) обязано происхожденіемъ сѣщенію съ Захаріей, скитскимъ монахомъ, у котораго останавливался Евстаѳій во время пути? Авторитетъ скитскаго подвижника былъ для основателя скитскаго монашества въ Абиссиніи не ниже авторитета туземнаго мамхера.

²⁾ При Давидѣ въ Эѳіопію являлся даже монофиситскій патріархъ изъ Іерусалима. См. Zotenberg. Catal. p. 159, 21 с.

³⁾ Alishan, Sissouan ou l'Armeno-Cilicie, p. 67.

⁴⁾ Объ этомъ см. м. пр. у Gau, Glossaire archéol. p. 376 (подъ словомъ „Chypre“). Здѣсь также приведены выдержки изъ описи ватиканской ризницы, перечисляющія облаченія изъ „opus Surrigium“. См. также Mitrovic,

понятно, какое Кипрѣ занималъ въ восточной половинѣ Средиземнаго моря въ XII—XIV в. подъ скипетромъ династіи Лузиньяновъ. Житіе помѣщаетъ посѣщеніе Евстаѳіемъ Кипра въ годъ и даже день „паденія великаго столпа“ — смерти царя Амда-Сіона; нѣсколько раньше (1341) на этомъ островѣ былъ мимоходомъ саксонскій священникъ, отправлявшійся на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Онъ видѣлъ на улицахъ Фамагусты не только грековъ, армянъ, арабовъ и турокъ, но и „эѳіоповъ“ ¹⁾. Сношенія Африки съ Кипромъ и Киликіей въ это именно время должны были быть особенно оживлены уже въ силу того, что это былъ періодъ египетскихъ завоеваній въ Малой Азіи.

„Арменія“ нашего житія — конечно Киликійская, такъ называемый Сиссуанъ, царство Рупиновъ и патріархатъ Сисскихъ католикосовъ. Послѣдніе были, правда, въ уніи съ Римомъ, но армянскій латидунаризмъ и связи съ великой Арменіей обуславливали то, что сношенія съ монофиситской Абиссиніей и Египтомъ, главнымъ образомъ чрезъ Іерусалимъ, все-таки поддерживались хотя бы со стороны мірянъ. Абиссинцы, встрѣчаясь у гроба Господня съ единовѣрными армянами, узнавали отъ нихъ о великомъ и славномъ армянскомъ царствѣ въ Киликіи, объ армянахъ на востокѣ, о святыхъ этихъ областей древняго Христіанства. Эѳіопы не оставались въ долгу и описывали свое царство съ его пустынями и монастырями. Такимъ путемъ возникали паломничества, подобныя тому, о которомъ говорится, напр., въ двѣнадцатомъ чудѣ Евстаѳіа; здѣсь, я думаю, найдутъ себѣ объясненіе перѣдвѣя появленія въ Абис-

Cipro nella storia Medioevale del commercio levantino. (Trieste 1894), p. 28 sq. Объ искусствѣ кипрскихъ женщинъ въ этой работѣ см. Francisque-Michel, Recherches sur le commerce, la fabrication et l'usage des étoffes. Par. 1882, I, p. 307. Этими указаніями я обязанъ многоуважаемому Я. И. Смирнову.

¹⁾ De Mas Latrie, L'île de Chypre, sa situation présente et ses souvenirs du Moyen Age. Par. 1879, p. 237 sq.

свині армянъ на разныхъ поприщахъ жизни. Можетъ быть тутъ же слѣдуетъ искать объясненія и непонятнаго пока для насъ извѣстія о мѣстѣ погребенія Евстаѳа. Гдѣ были мощи персидскаго мученика Маръ-Бехнама, или въ эіопской транскрипціи Маръ-Мехнама ¹⁾, мнѣ неизвѣстно, но едва ли они находились въ Киликіи. Если они были въ Месопотаміи или въ великой Арменіи, то сказаніе можетъ быть объяснено смѣшеніемъ свѣдѣній, усвоенныхъ по слухамъ ²⁾. Слѣдуетъ еще отмѣнить характерное сообщеніе въ пятомъ чудѣ Евстаѳа о франкѣ, мать котораго была армянкой. Брачныя связи между киликійскими армянами и латинянами—фактъ, обращавшій на себя неоднократно вниманіе историковъ ³⁾.

Итакъ, Евстаѳіанство было въ исторіи эіопской церкви подготовкой къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ реформъ, которыя связаны съ именемъ царя Зара-Якоба и которыя наложили на эту самую южную область христіанства отпечатокъ, отличающій ее до нашихъ дней. Въ Абиссиніи давно уже сознавалась необходимость церковной реформы. Культурный и счастливый періодъ Аксумскаго царства прошелъ безвозвратно. Страна, отрѣзанная отъ связей съ цивилизованнымъ міромъ

¹⁾ Объ этомъ святомъ см. Zotenberg, Catal. p. 167. Здѣсь же указана литература. Въ оксфорд. синаксарѣ подъ 20 тера значится м. пр. „память подвиговъ аввы Ноя и чудесъ, которыя онъ совершилъ (?) при освященіи церкви св. Мермехнама“ (Dillm. Cat. Bodl. 51). Вообще Мармехнама принадлежитъ къ числу наиболее извѣстныхъ и чтимыхъ святыхъ эіопской церкви: службы ему перѣдки среди рукописей.

²⁾ По остроумному замѣчанію Я. И. Смирнова, двѣнадцатое чудо Евстаѳа, повѣстующее объ окаменѣлыхъ людяхъ у гробницы Марбехнама и Евстаѳа можетъ быть объяснено какими либо изваяніями или барельефами, находившимися у церкви, которую эіопскіе странники считали усыпальницей своего преподобнаго. Во всякомъ случаѣ это сказаніе даетъ еще одинъ плюсъ въ пользу того, что данныя житія о хожденіяхъ не являются результатомъ простаго вымысла, а покоятся на какомъ-то фактическомъ, пока неизвѣстномъ намъ основаніи.

³⁾ Напр. Alishan, о. с. p. 43. На стр. 445 приводятся даже списки такихъ браковъ среди знати обонхъ народовъ.

мусульманами, господствовавшими надъ александрійской кафедрой, дошла къ этому времени до значительной степени культурнаго упадка и одичанія. Постоянныя войны съ невѣрными, вѣковыя внутреннія смуты и кризисы, погубившіе древнюю образованность и даже уничтожившіе историческую традицію, имѣли пагубное вліяніе и на нравственную фізіономію эіопскихъ христіанъ. Переживанія и даже рецидивы язычества, самыя дикія суевѣрія, совращеніе цѣлыхъ областей въ іудейство и исламъ, появленіе ересей протестантскаго направленія на общемъ фонѣ упадка, просвѣщенія и огрубѣнія нравовъ, не могли не заботить лучшихъ людей эпохи. При невозможности найти нравственную помощь извнѣ, они постарались сами врачевать эти язвы единственно доступнымъ имъ средствомъ—обращеніемъ къ Св. Писанію и преданію, но тутъ-то и натолкнулись на роковое препятствіе—неумѣніе разобраться въ подлинности и подложности авторитетовъ. Наряду съ каноническими книгами и истиннымъ священнымъ преданіемъ, они поставили апокрифы и легенды, да къ тому же пользовались этимъ матеріаломъ не въ оригиналѣ, а въ переводѣ съ перевода. Если къ этому прибавить эіопскій педантизмъ, склонность къ утрировкѣ и изувѣрство, свойственное необразованнымъ начетчикамъ всѣхъ временъ, то дѣятельность Евстаѳа, одного изъ первыхъ провозвѣстниковъ реформатскихъ мѣропріятій XV вѣка, будетъ для насъ совершенно понятна. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эта дѣятельность на первыхъ порахъ не была признана церковными авторитетами. Евстаѳіанцы оказались внѣ церкви; произошелъ расколъ, результатомъ котораго было временное впаденіе ихъ въ безпоповство. Но ихъ идеи явились во-время и сѣмена ихъ главы пали на благопріятную почву. Число послѣдователей Евстаѳа рѣсло въ такой степени, что церкви пришлось съ ними считаться. Наконецъ, на абиссинскій престолъ вступаетъ могучая фигура Зара-Якоба, этого африканскаго Филиппа II,

царя-богослова, палача еретиковъ и радѣтеля церковнаго благочинія. Воодушевленный тѣми же идеями, онъ проводитъ рядъ мѣрѣ, ссылаясь на тѣ же авторитеты, что и евстаѳіанцы, и находитъ такимъ образомъ возможность прекратить церковную схизму. Вотъ что говоритъ онъ самъ объ этомъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Mashafa Berhan“ — „Книга свѣта“.

„Изъ-за духовныхъ чадъ Макаба-Эгзіэ раскололась апостольская церковь на два лагеря. Эти монахи почитаютъ обѣ субботы и не входятъ въ дома царей и митрополитовъ, не принимаютъ священства, ибо цари и митрополиты не святятъ субботы, а равняютъ ее съ будними днями и даже объявляютъ монаховъ жидами, гонятъ ихъ и не пускаютъ въ церкви. Долгое время они жили въ изгнаніи, бросивъ свои дома и уйдя въ пустыню. Когда мой отецъ, царь Давидъ, услышалъ, что многіе изъ нихъ погибли отъ голода, жажды, меча и дикихъ звѣрей, послалъ, чтобы вернуть ихъ изъ ихъ разсѣянія и позволилъ имъ праздновать обѣ субботы, какъ это заповѣдали Апостолы въ Синодосѣ. Но и теперь еще они не входятъ къ царю и митрополиту, и не принимаютъ священства, ибо тѣ не чтутъ субботы. Ихъ отецъ, Макаба Эгзіэ, названный Евстаѳіемъ, былъ великій священникъ, учившій мужчинъ, женщинъ и монахинъ православной вѣрѣ и согласно 81 писанію; чтилъ обѣ субботы, самъ преподавалъ таинства и училъ право, какъ Апостолы, происходилъ отъ православныхъ родителей и жилъ въ дѣвственной чистотѣ. Но его духовные сыны, монахи, самовольно ¹⁾ изобрѣли законъ, несогласный съ 81 писаніемъ, запретили принимать священныя степени и посадили надъ собой начальникомъ мірянина, который завѣдуетъ у нихъ всѣми церковными дѣлами. Тѣхъ, которые принимаютъ священство, они удаляютъ отъ своихъ церквей, и если іерей,

¹⁾ Переводъ Дилльманна: „auf Befehl ihres Hauptes“ (bat'ezāza-g'ēsomi) — невѣренъ.

діаконъ или монахъ захотятъ поступить въ ихъ монастырь, они принимаютъ ихъ только послѣ того, какъ тѣ покаются предъ ними и получаютъ разрѣшеніе въ томъ, что раньше были въ другомъ мѣстѣ. У нихъ былъ начальникъ, простой монахъ, который не позволялъ имъ, если они впадутъ въ грѣхъ, идти къ церковнымъ духовнымъ, но онъ самъ вязалъ и рѣшилъ, не имѣя никакого церковнаго полномочія. Ему должны были исповѣдаться; онъ звалъ затѣмъ (т. наз.) священника, и предъ тѣмъ грѣшникъ долженъ былъ еще разъ исповѣдать свой грѣхъ; затѣмъ налагалъ онъ самъ епитимію, и великія и малыя, которыя долженъ былъ бы налагать священникъ; и раньше, чѣмъ грѣшникъ не отбылъ ея, онъ не могъ ни входить въ монастырь или церковь, ни приступать къ таинствамъ. По этому правилу живетъ много евстаѳіанъ: въ Дабра-Марьямѣ съ 81 подворьями, въ Дабра-Бизанѣ съ 8, въ Дабра-Дакита съ 6 — монаховъ, пресвитеровъ, діаконовъ, ихъ же число Богъ вѣсть; но священникъ имъ никогда не былъ поставленъ, а только мірянинъ, также какъ въ 23 женскихъ монастыряхъ, приписанныхъ къ Дабра-Марьяму, 3 — къ Д.-Бизану, съ 1146 монахинями въ 102 женскихъ подворьяхъ, приписанныхъ къ тремъ главнымъ монастырямъ. Относительно монахинъ въ Д.-Бизанѣ было постановлено, чтобы игуменья постригала, а также налагала эпитимію за легкіе проступки; болѣе тяжкіе грѣхи исповѣдала монахиня игуменьѣ, та давала знать начальнику-мірянину, а тотъ посылалъ затѣмъ къ грѣшницѣ монаха — не священника, который принималъ покаяніе и давалъ отчетъ настоятелю. Наконецъ, послѣдній звалъ (такъ наз.) священника, назначалъ соотвѣтственную эпитимію, которую тотъ передавалъ монаху и грѣшницѣ. Этотъ обычай совершенно противный канонамъ, которые даютъ право постригать только истиннымъ священникамъ, наблюдался въ Д. Бизанѣ“. Въ 16 году царства, въ день Успенія Б. М., Зара-Якобу удалось доказать на основаніи канона обоимъ митрополитамъ,

Михаилу и Гавриилу, необходимость праздновать обѣ субботы — такъ что тѣ, вопреки практикѣ своихъ предшественниковъ, установили почитаніе ихъ ¹⁾. Затѣмъ, когда такимъ образомъ поводъ къ расколу прекратился, царь убѣдилъ чадъ Макаба-Эгзію, что согласно канонамъ, не мірянинъ, а рукоположенный священникъ долженъ быть настоятелемъ монастыря. Они подчинились этому и снова допустили священниковъ. „Такъ, при содѣйствіи митрополита было восстановлено единство церкви, за что нельзя въ достаточной мѣрѣ возблагодарить незаслуженную милость Божию“ ²⁾.

Изъ преподобныхъ евстаѳіанскаго устава извѣстны житія **Габра-Іасуса**, **Филиппа дабра-бизанскаго** и ученика его **Іоанна**. Два послѣднихъ списаны, какъ мы уже имѣли случай упоминать, Conti Rossini въ самомъ Бизанскомъ монастырѣ, но до сихъ поръ не появились въ свѣтъ ³⁾. Что же касается Габра-Іасуса, то ему посвящена вторая половина лондонской рукописи Orient. 705. Объ обстоятельствахъ написанія и характерѣ этого „житія“ мы уже говорили ⁴⁾, а потому здѣсь намъ придется только отмѣтить тѣ немногіе факты, которые оно сообщаетъ.

¹⁾ Альмейда сообщаетъ (у Perruchon, Chroniques de Zara-Jacob 199 sq.), что онъ даже воздвигъ гоненіе на противниковъ двухъ субботъ и убилъ дабра-либаносскаго архимандрита, считавшаго субботаствоваіе іудействомъ. Такимъ образомъ уже въ это время евстаѳіанство добилось почти господствующаго положенія.

²⁾ Dillmann, Ueber die Regierung etc., p. 45—47.

³⁾ Bolletino della Società Geografica Italiana. Serie IV, Vol. I, № 2, p. 115 sq. Житія эти, по словамъ нашедшаго, имѣютъ весьма важное значеніе для историка, проливая свѣтъ на предреформенную эпоху и на политическія условія сѣверной Эіопіи.

⁴⁾ См. стр. 41—44.

Въ длинныхъ введеніяхъ м. пр. приводится духовная родословная святого: Антоній, Макарій, Пахомій, Либаносъ, Макарій, Адханъ, Оцъ, Беесе—Саламъ, Палладій, Кебуэ-Эгзію, Аванасій, Исаакъ, Эбна-Сабатъ (съ Іоханни, Варнавой и Анпано-Эгзію), Даниилъ изъ Дабра-Марьямъ въ Геральта ¹⁾, Евстаѳій, Габра-Іасусъ. Послѣдній названъ далѣ „изъ числа святыхъ отцовъ двѣнадцати мамхеровъ-„рукоположенныхъ“ (nebutāna ḗd). Мѣсто рожденія его въ точности неизвѣстно — по однимъ Вагъ (Wag), по другимъ—Тигре вообще. Отъ юности онъ проникся ученіемъ Спасителя, изложеннымъ въ нагорной проповѣди, и услыхавъ объ Евстаѳіи пошелъ къ нему, сомнѣваясь впрочемъ, отъ Бога ли его ученіе, пока послѣ молитвы не увѣровалъ въ него. Евстаѳій постригъ его „ибо зналъ, что на немъ почиваетъ Духъ Святой“. Когда Евстаѳій пошелъ въ Александрію за благословеніемъ къ патриарху Веніамину, и оттуда чудеснымъ образомъ въ Арменію „ради любви къ апостольскимъ канонамъ, ибо мужи арменскіе ничего не убавили отъ постановленій Апостоловъ“, Габра-Іасусъ „не отлучался отъ него“. Умирая Евстаѳій, „позвалъ 12 чадъ своихъ и заповѣдалъ имъ не оставлять въ небреженіи заповѣдей пророковъ и канонѣвъ апостоловъ; благословилъ ихъ, роздалъ свои священные предметы и таботы и книги по одному на каждого изъ учениковъ, и указалъ каждому мѣсто, гдѣ ему жить и каждому его жребій, какъ распредѣлил ихъ между ними Духъ Святой, ибо вѣдалъ онъ тайны Духа Святаго. И сему скорбѣвшему сердцемъ о крестныхъ страстяхъ Спасителя, аввѣ Габра-Іасусу далъ онъ таботъ Владычицы нашея Святыя Дѣвы обоуду естествомъ, Маріи Богородицы, а также одинъ изъ священныхъ предметовъ и одну изъ книгъ своихъ, именъ которыхъ мы не знаемъ, ибо не нашли полного житія его, о чемъ говорили вначалѣ. И онъ указалъ мѣстопробываніе его, гдѣ онъ будетъ жить; имя ему—Энфразъ (Enfrāz)“. Плакавъ учителя, монахи разошлись по назначеннымъ имъ областямъ. Габра-Іасусъ прибылъ въ Тигрѣ, нашелъ тамъ мѣсто, которое ему понравилось и которое онъ счелъ за Энфразъ. Здѣсь онъ выстроилъ церковь во имя Богоматери. Но Евстаѳій явился ему на колесницѣ огненной и велѣлъ оставить для монаховъ игумена, а самому идти проповѣдывать царствіе Божіе въ Энфразъ. На пути туда его путеводила звѣзда,—онъ пришелъ въ *Вайна-Дана*; мѣстность ему понравилась, и онъ опять выстроилъ храмъ во имя завѣта Богоматери. Здѣсь выросла чудесная виноградная лоза, поднимавшаяся къ небу и спускавшаяся къ землѣ, она про-

¹⁾ Изъ житія Евстаѳіа видно, что „Дабра-Марьямъ“ основанъ только учениками Евстаѳіа по возвращеніи изъ Арменіи.

f. 144. стерла свои вѣтви къ одной изъ энфразскихъ горъ и сіяла цвѣтами радуги. Святому пришла мысль идти по указанію этой лозы, пока она снова не пуститъ корней. За нимъ слѣдовалъ его пещь, служившій ему. „Не чудо, если пещь служить своему господину и слѣдуетъ за нимъ, ибо обычай у псовъ служить своимъ господамъ и слѣдовать по слѣдамъ ногъ ихъ. Они служатъ неразумно... чудо въ томъ, что этотъ пещь служилъ разумно и шелъ за нимъ разумно и служилъ ему разумно и исполнялъ волю отца нашего обуздателя звѣрей, какъ служить рабъ своему господину и покорный сынъ отцу и послушный ученикъ наставнику“... Однажды Габра-Іасусъ по молитвѣ даже извелъ воду изъ камня, чтобы напоить его въ пустынѣ. Наконецъ лоза остановилась. Габра-Іасусъ на этомъ мѣстѣ основалъ церковь опять во имя Богородицы и назвалъ эту гору *Дабра-Санъ*, (D. Sān) что въ переводѣ значитъ „Гора Господня“, „ибо Sān“ значитъ: „Богъ, прославляемый во святыхъ своихъ“. Затѣмъ онъ выстроилъ еще одну церковь въ честь Богородицы на противоположащей высокой горѣ, и назвалъ ее *Цавана-Марьямъ* (Sawana Marjām), т.-е. пристанище Маріи, ибо „сіе пристанище уготавала Дѣва для немощныхъ и обремененныхъ“. Здѣсь онъ проповѣдывалъ Евангеліе и творилъ чудеса. Къ нему собралось много народа, онъ училъ ихъ. „И всѣ вѣрвали и крестились. И пришли на ученіе его чада іудейскіе, которые вышли изъ Іерусалима изъ-за испытанія, которое постигло ихъ въ царствованіе Тита и Веспасіана, и переселились въ страну Эіопскую. Здѣсь они размножились и наполнили землю и заняли страну Энфразъ. Они увѣрвали и крестились по его проповѣди“. Причиной ихъ обращенія м. пр. былъ пещь Габра-Іасуса. Пещь этотъ ежедневно бѣгалъ въ монастырь, основанный раньше, за пищей для святого. Монахи клали пищу въ золотой сосудъ и печатали печатью своего устава. Однажды пастухи іудеевъ замѣтили его и погнались за нимъ, чтобы поймать его и взять себѣ. Убѣгая отъ нихъ, онъ при переправѣ черезъ рѣку уронилъ свою ношу и, боясь гнѣва святого, ушелъ къ іудею по имени Зана-Габо (Zānā-Gabo), но не хотѣлъ ѣсть у него. Удивленный еврей, узнавъ, что этотъ пещь принадлежитъ Габра-Іасусу, пошелъ къ нему и распросилъ въ чемъ дѣло. Тотъ отвѣтилъ, что пещь не будетъ ѣсть у невѣрнаго. На вопросъ еврея, неужели его вѣра хуже собачьей, святой отвѣчалъ утвердительно, сославшись на слова Давида въ Царствъ 1, 17, 43. Еврей подивился его словамъ и попросилъ его испѣлить дочь свою отъ странной болѣзни: въ ея чрево вползъ змѣй снизу. Святой освятилъ воду, далъ ему въ стеклянномъ сосудѣ и велѣлъ напоить дочь этою „водою молитвы“. Змѣй издохъ и распался на 7 кусковъ. Вся семья

f. 151.

f. 152.

іудея крестилась; исцѣленная получила имя Цабала-Эвостатевост. За ней послѣдовали и другіе евреи, жившіе въ той мѣстности. Святой наставилъ ихъ вѣрѣ по книгамъ Кала-Хайманотъ („Слово вѣры“) и А’емāda-mes-tirāt („Пять столповъ таинствъ“) „и укрѣпилъ ихъ въ правой вѣрѣ. Потомъ облачился въ священную одежду отецъ нашъ ликакаханъ и отслужилъ литургію и пріобщилъ св. таинъ святой народъ“. Въ житіи приводится и прівѣтственное слово, сказанное имъ новообращеннымъ. Слухъ объ этомъ прошелъ по всей Эіопіи и дошелъ до царя, который пожелалъ видѣть исцѣленную. Она ему понравилась, онъ женился на ней и многихъ сыновей своихъ отъ нея воспитывалъ въ монастырѣ Габра-Іасуса. Они сдѣлались монахами и священниками, и настоятельствовали послѣ своего наставника. Когда послѣдній захворалъ и почувствовалъ приближеніе смерти, собралъ своихъ монаховъ, долго бесѣдовалъ съ ними. Потомъ „избралъ изъ нихъ трехъ мужей, исполненныхъ премудрости и свѣдущихъ въ писаніи, и совершенныхъ въ подвигахъ: блаженнаго авву Андрея, честнаго авву Виктора и высокаго авву Матеея, которые были съ нимъ отъ юности, постриглись отъ рукъ его и знали его дѣянія отъ начала до конца“. Благословляя Матеея, онъ прочелъ 19-й псаломъ, далъ ему крестъ, сдѣлаище, которое получилъ отъ отца своего, поручилъ ему вѣрныхъ и сказалъ: „паси овецъ сихъ и сиди на сдѣлаищѣ этомъ, на которомъ я самъ сидѣлъ много дней; симъ крестомъ благословяй сихъ овецъ и будь отцомъ многихъ языковъ“. Андрею далъ крестъ произнося псаломъ: „возведохъ очи мои въ горы“ (Пс. 120) и велѣлъ ему идти въ страну *Невай* (Nēwāj) и проповѣдывать тамъ царствіе Божіе. Наконецъ Виктору онъ прочиталъ псаломъ „Блаженни вси боящіися Господа (127,1), далъ крестъ и велѣлъ пойти въ поле *Загада-Баресъ* (Zagadā Barēs) и сдѣлаться тамъ отшельникомъ. Послѣ этого онъ скончался 20-го хамлэ.

f. 153.

f. 154.

Житіе оканчивается длиннымъ похвальнымъ словомъ, въ концѣ котораго мы находимъ: „благословенія аввы Антонія и всѣхъ святыхъ, увѣчанныхъ влобукомъ скитской пустыни, крестоносныхъ звѣздъ свѣтлыхъ Эіопіи, лозъ евангельскихъ, аввы Такла-Хайманотъ и аввы Евстаѳіа и всѣхъ чадъ ихъ, безчисленныхъ, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ вскрай моря, да удостоить насъ Господь. Аминь.

О Габра Іасусѣ есть еще упоминаніе въ тюбингенскомъ синаксарѣ подъ 20 хамлэ (14 іюля): „въ сей день память честнаго праведнаго отца аввы Габра-Іасуса изъ обители Санъ; онъ для голоднаго пса извелъ воду въ пустынѣ“. Въ такой

же замѣтъ въ геттингенскомъ синасарѣ преподобный названъ „Габра-Крестосъ“¹⁾. Въ житіяхъ самого Евстаѳіа онъ не упоминается, такъ же, какъ и Филиппъ Бизанскій; только въ одномъ изъ чудесъ, совершенныхъ въ Энфразѣ, говоритъ о себѣ получившій исцѣленіе, что онъ „сынъ ученія отца нашего Габра-Іасуса, мамхера преподобныхъ земли Дабсанъ“... „Дабсанъ“ на картѣ Людольфа помѣщенъ въ сѣверной части восточнаго берега озера Цана, къ зап. отъ Амба-Марьямъ, т.-е. дѣйствительно въ Энфразѣ. Генеалогія евстаѳіанцевъ также говоритъ м. пр. о какомъ-то „Ѳаддеѣ изъ Дабсана“²⁾ Не представляетъ ли этотъ Дабсанъ простого сокращенія Dabra-Sān?

Въ житіи Габра-Іасуса слѣдуетъ отмѣтить интересную характеристику армянскаго христіанства, какъ признакъ того, что сношенія съ армянами убѣдили оба монофиситскіе народа въ томъ, что они единовѣрны. Замѣтки агіографа о происхожденіи абиссинскихъ евреевъ представляетъ одну изъ попытокъ рѣшить этотъ трудный вопросъ. Катте говоритъ, что сами фалаша рассказываютъ то же о своемъ появленіи въ Абиссиніи³⁾. Сайнеано высказываетъ это, какъ свое личное предположеніе⁴⁾.

Интересно также неизвѣстное авторамъ житій Евстаѳіа устройство евстаѳіанскаго братства, управляемаго двѣнадцатью мамхерами, аналогичное дабра-либаносской организаціи. О томъ, была ли у него какая-нибудь организація, у насъ имѣются противорѣчивыя свѣдѣнія. Людольфъ прямо утверждаетъ: „онъ (т.-е. Евстаѳій) предписалъ своимъ послѣдователямъ правила, но не назначилъ никакого блюстителя,

да и сами они объ этомъ не заботились, ссылаясь на то, что Евстаѳій ушелъ въ Арменію, не оставивъ никого преемникомъ, а потому и имъ неудобно назначить себѣ кого-либо. Поэтому каждый игумень (aba)—высшій авторитетъ въ своемъ монастырѣ; если онъ умретъ, на его мѣсто выбирается другой голосованіемъ братіи этой обители“¹⁾. Что Евстаѳій „ушелъ, не назначивъ преемника“—конечно невѣрно: мы знаемъ изъ житія о томъ, что онъ оставилъ Абсади, да кромѣ того существуютъ и духовныя генеалогіи евстаѳіанцевъ. Брюсе даже говоритъ, что у евстаѳіанскихъ монаховъ былъ свой глава, жившій въ западной части Абиссиніи, въ области Куарра, въ монастырѣ Махбара-Селясе²⁾. Конечно, скитскій характеръ братства, дѣлалъ его по самому существу менѣе централизованнымъ, чѣмъ было общежительное дабралибаносское, а поэтому вполне возможно, что монастыри пользовались большою автономіей, и мамхеры, если и были, существовали скорѣе по имени. Умирая въ Арменіи, Евстаѳій не дѣлаетъ различія между учениками, равно какъ и Габра-Іасусъ. Но въ идеѣ, я думаю, и у нихъ было нѣкоторое подобіе единства и организаціи. На это, кромѣ Абсади и свидѣтельства Брюса, косвенное указаніе даетъ эпитетъ Евстаѳіа „великій іерей“ (Kāhn ābij), соответствующій „лика-кахнату“ при Таѣла-Хайманотѣ. Да и самъ Зара-Якобъ въ приведенномъ нами мѣстѣ своей „Книги Свѣта“ говоритъ о „начальникѣ-мірянинѣ“, котораго „посадили надъ собой“ евстаѳіанцы³⁾.

Позднее происхожденіе житія Габра-Іасуса, объясненное его авторомъ въ предисловіи, обусловило такой анахронизмъ, какъ наставленіе святымъ евреевъ по амхарскимъ катехизисамъ: „Слово вѣры“ и „Столпы таинствъ“ написаннымъ

¹⁾ Duensing. Liefert d. äthiop. Synaxar etc. p. 30.

²⁾ Basset, Les apocryphes éthiop., VIII, 17.

³⁾ A. v. Katte. Reise in Abyssinien im Jahre 1836. Stuttg. 1838, S. 99.

⁴⁾ M. Saineano, L'Abyssinie dans la 2 moitié du XVI siècle. Leipz.—Bucarest, 1892, p. 42.

¹⁾ Histor. Aethiop. III, 3, 31.

²⁾ Voyage aux Sources du Nil, VIII, p. 117.

³⁾ См. стр. 175.

едва ли раньше XVII вѣка; ихъ діалогическая форма даетъ основаніе Конти Россини совершенно правдоподобно заключать о вліяніи іезуитскихъ катехизисовъ на способъ ихъ изложенія, и о томъ, что они явились для отпора пропагандѣ¹⁾.

Что касается, наконецъ, фактическихъ данныхъ повѣствованія, то они имѣютъ значеніе, какъ указанія на начало распространенія евстаѳіанства изъ Тигре вглубь страны. Авторъ ничего не говоритъ о тѣхъ гоненіяхъ, которыя испытала эта конгрегация въ первыя времена своей жизни. Это обстоятельство, понятное при извѣстныхъ намъ условіяхъ составленія „житія“, все же неблагоприятно для его оцѣнки съ исторической точки зрѣнія.

Самуилъ Вальдебскій.

Преподобный Евстаѳій можетъ считаться послѣднимъ представителемъ эпохи нечестивыхъ царей; преемники ихъ — Давидъ и Θεодоръ отмѣчены во всѣхъ синаксаряхъ, какъ „святые“, и мы будемъ имѣть случай говорить о синаксарномъ житіи послѣдняго. Что касается Давида I, то синаксари ограничиваются простой отмѣткой его памяти, да и хроники говорятъ о немъ весьма мало. Больше мы находимъ объ этомъ царѣ въ житіи его современника, извѣстнаго преподобнаго *Самуила Вальдебскаго* или, какъ его иначе называютъ „*иже отъ пустыни Вали*“ (*Za-gadama Wāli*).

Житіе этого святого имѣется въ пространной редакціи въ рукописи № 136 парижской Національной Библиотеки, гдѣ занимаетъ ff. 45—95²⁾. Какому изъ многихъ Самуиловъ посвящена рукопись № 32 коллекции d'Abbadie, обозначенная

¹⁾ Note per la storia letteraria abissina. *Rendiconti Ac. Lincei VIII*, p. 284.

²⁾ Zotenberg, Catalogue p. 203—4.

въ каталогѣ, какъ „*Vie de Saint Samuel*“ — неизвѣстно¹⁾. Кромѣ того во всѣхъ, повидимому, спискахъ синаксаря имѣется подъ 12 тахсаса (8 декабря) довольно обстоятельное сказаніе о Самуилѣ Вальдебскомъ.

Парижская рукопись, первая часть которой содержитъ житіе Такла-Хайманота по вальдебской редакціи и уже издана, какъ мы говорили, Conti Rossini, представляетъ интересъ, какъ второй по древности изъ извѣстныхъ намъ агиологическихъ памятниковъ письменности. Относясь несомнѣнно къ XV вѣку, она немного моложе времени жизни Самуила и обязана своимъ происхожденіемъ ближайшимъ ученикамъ его. Conti Rossini находитъ даже возможнымъ предполагать въ ней автографъ. Написано житіе Самуила тѣмъ же Такла-Сіономъ, что и первая часть рукописи и по порученію того же Такла-Іасуса, котораго писатель называетъ „*абуна*“, и который, вѣроятно, былъ настоятелемъ вальдебскимъ. Себя Такла-Сіонъ называетъ „*убогимъ сыномъ аввы Самуила, иже отъ пустыни Вальдеба*“. Стилъ житія, подлежащаго нашему разсмотрѣнію, такой же, какъ и житія Такла-Хайманота: онъ отличается краткостью, скупъ на отступленія, библейскія цитаты, но мѣстами, особенно послѣ повѣствованія о выдающихся событіяхъ, авторъ позволяетъ себѣ дѣлать вставки въ нѣсколько строкъ риторическихъ виршъ. Иногда онъ говоритъ отъ имени святого, ведя повѣствованіе въ первомъ лицѣ (напр. о поклоненіи ему звѣрей, f. 49 сл., о восхищеніи на небеса предъ кончиной, f. 87 и слѣд.), или передавая рассказъ со словъ его ближайшаго ученика За-Руфаала (f. 52), добавляя, что святой заповѣдалъ послѣднему не отрывать его чудеса до его смерти. Что касается парижской рукописи житія, то вполне исправной ее назвать нельзя; есть описки

¹⁾ Catal. rais. p. 40. Одновременно съ нашимъ Самуиломъ въ Банкуалѣ постриглись С. Кваяцкій и Таретскій (*Basset, Études, Journ. As.* 1881, I, p. 324). Наконецъ житіе это можетъ принадлежать и Самуилу Каламонскому.

и пропуски. Изданіе ея составитъ одно изъ приложений къ настоящей работѣ.

- f. 45. Послѣ нѣсколькихъ словъ стихотворнаго вступленія даются краткія свѣдѣнія о до-монашескомъ періодѣ жизни святого. Онъ родился „во градѣ Аксумъ, матери градовъ“ отъ родителей Стефана и Амата-Марьямы, которые были „знатны и изрядны родомъ и любили Христа всѣмъ сердцемъ“.
- f. 46. Кромѣ святого у нихъ былъ другой сынъ — Габра-Крестось. „Потомъ, когда наступило время ученія, послали они его учиться къ одному священнику. Окончивъ все ученіе, онъ былъ поставленъ діакономъ и пребывалъ (jəgajs) въ церкви вечеръ и утро; плакалъ и рыдалъ, хотя былъ отрокъ“. „Однажды сказала блаженная Амата-Марьяма своему мужу Стефану: „пусти меня, чтобы я послѣдовала Христу и сдѣлалась монахиней, и самъ поступи такъ же“. И отвѣтилъ онъ: „я не покину своего города и домоправленія“. Тогда сказала она своему мужу: „я сосватаю тебѣ жену на свои средства“. И послѣ многихъ увѣщаній онъ согласился, и она сосватала ему жену, ввела ее въ домъ свой, никѣмъ не понуждаемая, ибо уязвлено было сердце ея любовію Христовою. И передала все свое имущество этой преемницѣ, и благословила ее, и сдѣлала наслѣдницей всего, что въ ея домѣ, а потомъ сдѣлалась монахиней и начала подвиги, нося по одной горсти сухихъ смоквъ. И совершивъ постъ святой четырехдесятиницы, она была восхищена въ небесный Иерусалимъ; ей была показана ея обитель, и она упокоилась въ мирѣ. По кончинѣ матери, говорили отецъ и ея наслѣдница: „сосватаемъ нашему сыну невѣсту изъ городской знати, да будетъ стоять наше имя“. И они сосватали ему дочь богатыхъ гражданъ. Когда услышалъ это человекъ Божій, отецъ нашъ Самуиль, подумалъ и сказалъ: „какая польза тебѣ, душа моя, въ томъ, что говорить о тебѣ? Вѣдь этотъ міръ брeнeнь“. Такъ сказавъ, онъ пошелъ въ монастырь (dabra) аввы Мадханина-Эгзіз, который есть *Банкуаль* (Bānkuāl), повѣдалъ аввѣ всѣ свои мысли относительно монашества. И повелѣлъ отецъ нашъ авва Мадханина Эгзіз собраться всѣмъ монахамъ. И они сотворили молитву надъ одѣяніемъ и поясомъ и камилавкой (qob'ē), и облачилъ его авва Мадханина-Эгзіз, сынъ аввы Такла-Хайманота, и благословилъ его и сказалъ Самуилу, сыну своему: „чадо, будь славенъ, какъ отцы наши Антоній и Макарій, угодившіе (Богу)“. И всѣ слышавшіе сказали: „Аминь!“ И съ того дня онъ началъ подвиги, дивные для слуха. Онъ собиралъ брошенную солому изъ мусора, мочилъ ее въ водѣ и покрывалъ пшеничной закваской, чтобы братья говорили: „онъ ѣсть пшеничный
- f. 47.

- хлѣбъ“, а вечеромъ выбрасывалъ эту пшеницу вонъ и ѣлъ эту солому безъ приправы и соли (?) въ водѣ. И въ такихъ подвигахъ онъ провелъ два года. Черезъ нѣсколько времени, пришелъ къ нему отецъ его, чтобы сдѣлаться монахомъ. И сказалъ Самуиль аввѣ Мадханина-Эгзіз: „пришелъ отецъ мой, чтобы принять отъ тебя иго монашества“. И отвѣчалъ ему тотъ: „хорошо, чадо“, и облекъ его по уставу святыхъ. И сказалъ авва Мадханина-Эгзіз сыну своему Самуилу: „иди, служи отцу твоему и совѣтуй то, чѣмъ спасется душа его“. И сказалъ онъ: „да, по слову твоему“. И сказалъ авва Самуиль отцу своему: „если сказано монаху, что невозможно ему угодить Богу своему въ землѣ отца его, и если весьма близко этотъ монастырь къ городу ихъ, то уйдемъ въ другую область ради Христа“. И они ушли въ обитель (dabr), называемую *Вайна* (Wajna), и жили тамъ во многомъ постѣ и молитвѣ. У отца его отъ многихъ стояній распухли обѣ ноги, и онъ скончался въ старости доброй... Окончивъ плачь по отцѣ, блаженный Самуиль началъ увѣщевать душу свою, говоря: „раньше ты подъ предлогомъ служенія наставнику своему, потомъ — отцу, жила, вкушая пищу; теперь иди искать своего спасенія“. И затѣмъ онъ пошелъ въ пустыню и вошелъ въ пещеру, гдѣ не было ни хлѣба для ѣды, ни воды для питія. И совершилъ онъ три четырехдесятиницы, и упалъ, высохши, какъ дерево, ибо лишена была плоть подкрѣпленія: не было для нея ни пищи, ни питія, ни сна и покоя, и посему сдѣлалась она костями, какъ черепокъ. И дыханіе не имѣло мѣста отъ сильного голода и жажды... Послѣдствіемъ такого отрѣшенія отъ плотскихъ потребностей явилось то, что къ святому пришли для поклоненія „всѣ звѣри пустыни: левъ, тигръ, гіена и змѣй“. Святой больше всѣхъ любилъ льва и ласкалъ его. Однажды Самуиль при посѣщеніи церкви оказалъ уваженіе къ Св. Тайнамъ, потребивъ блевотину причастника. За это онъ удостоился гласа съ неба и, воздѣвъ свои очи, увидалъ до седьмого неба и славу Божию. Потомъ, уйдя опять въ пустыню, онъ въ каждый изъ четырехъ постовъ налагалъ на себя семь подвиговъ: вериги на ногахъ, молчаніе, власяницу, стояніе въ водѣ съ пятикратнымъ „доведеніемъ до конца (jəbsəh) всей псалтири“, бичевалъ спину, дѣлалъ поклоны, какъ колесо 4000 разъ, не ѣлъ даже древесныхъ плодовъ, не пилъ воды и не ложился на бокъ. Однажды пришелъ къ Самуилу нѣкто по имени За-Руфаэль, котораго онъ сдѣлалъ своимъ ученикомъ. Возвращаясь однажды съ поисковъ плодовъ для пищи, они чудесно перешли, какъ по суху, потокъ, вздувшійся послѣ сильного дождя. Потомъ Самуиль выкопалъ себѣ пещеру въ 8 локтей и былъ въ ней не вкушая ничего отъ 12-го генбота (7 мая)
- f. 48.
- f. 49.
- f. 50.
- f. 51.
- f. 52.
- f. 53.

- f. 54. до праздника Преображенія, когда къ нему пришли монахи съ о-ва *Галила* (Galilā), чтобы приобщить его. Всѣ плакали, видя его худобу, а одинъ братъ спросилъ его, неужели онъ за это время не сподобился видѣннѣ. Самуиль открылъ ему подъ условіемъ не открывать никому до своей кончины, что ему являлся Спаситель, отдалъ въ наслѣдіе мѣстность его подвиговъ и заключилъ съ нимъ „завѣтъ“. Далѣе рассказываются чудесные случаи: о томъ, какъ святой вынулъ занозу у льва, который ему за это поклонился, ѣздилъ верхомъ на большомъ лвъ, причемъ другой левъ шелъ впереди, а третій — сзади, о чудесномъ ловѣ рыбы въ рѣкѣ Такапѣ съ шестью монахами. Когда однажды посѣтившій его настоятель одного монастыря, авва Гонорій, сравнивалъ его съ свв. Антоніемъ и Макаріемъ, онъ говорилъ, что онъ даже не „прахъ ногъ ихъ“, но все же сподобился милости Божіей и „12 лѣтъ стоялъ на тверди, славословилъ день и ночь у престола славнаго и страшнаго и кадилъ вмѣстѣ съ 24 старцами небесными“.

- f. 58. Когда Самуиль находился внутри пустыни, называемой *Вали* (Wālī), явился ему въ одинъ изъ богородичныхъ праздниковъ Арх. Михаилъ и велѣлъ служить литургію. Когда онъ по смиренію отказывался, явился самъ Господь и повелѣлъ приступить къ службѣ. Просфоры и чаша спустились съ неба, Богоматерь явилась надъ престоломъ, а когда онъ произнесъ первыя слова богородичной литургіи, явились апостолы и стали справа и слѣва, сослужа ему, наконецъ во время возношенія сошелъ на дары Св. Духъ въ видѣ бѣлаго голубя. „И собралъ Господь много воинства изъ всѣхъ чадъ смертныхъ, которые во всѣхъ странахъ, которые родились и должны были родиться, и устроилъ много шатровъ въ пустынѣ, и сказалъ отцу нашему: „смотри на это воинство — твое наслѣдіе, которое я привелъ къ тебѣ сегодня, чтобы были запечатлѣны тобой для вѣчной жизни тѣ, которые будутъ творить память твою и призывать имя твое и вѣровать въ молитву твою“.

- f. 59. Самуиль повторялъ книгу молитвъ въ честь Богоматери и удостоился ея явленія съ кадиломъ въ правой рукѣ и перломъ, сіяющимъ въ 7 разъ больше солнца — въ лѣвой; первое было символомъ священства святого, второе — красоты его подвиговъ. — Когда онъ однажды, стоя въ пучинѣ, пѣлъ много разъ „Пѣснь пѣсней“, принесъ ангелъ книгу, написанную золотымъ перомъ, какъ доказательство того, что его молитвы приняты. Потомъ къ нему явился Іоаннъ Богословъ и успокоилъ его относительно заключительныхъ словъ Апокалипсиса (22, 18. 19), что они имѣютъ въ виду не его, а тѣхъ, которые „переворачиваютъ писанія на свой ладъ“. Потомъ

онъ облобызалъ его и послалъ своего ученика Прохора навѣстить его. — Самуиль послалъ своего ученика, къ аввѣ *Габра-Маскалю изъ Дабра-Ласаго* (d. Lagāso), который ему являлся на духовной колесницѣ, когда онъ былъ во рву въ землѣ *Сафъ* (Sāf). чтобы пригласить его пови-даться, и самъ пошелъ навстрѣчу, которая произошла въ землѣ *Барзала* (Barzālā). Вечеромъ Габра-Маскаль предложилъ сѣсть за трапезу и когда Самуиль не соглашался, ибо не ѣлъ много дней, ученикъ уговорилъ его не печалить старца, который оставилъ свой монастырь, чтобы пови-даться съ нимъ, и совѣтовалъ лучше излечь потомъ сѣдненное. Послѣ взаимныхъ отказовъ первому благословить трапезу, Габра-Маскаль взялъ руку Самуила и ею благословилъ. Тогда спустился съ неба сладкій и благо-вонный хлѣбъ.

„Однажды послалъ православный царь *Давидъ* къ аввѣ Самуилу, говоря: „миръ тебѣ. Прибѣгаю я къ твоей святости, молись за меня и за все мое воинство, да поборетъ Богъ по молитвамъ твоимъ этого невѣрнаго язычника-измаилита, врага святыхъ и врага церкви“. Это узнавъ онъ духомъ, находясь въ пустынѣ въ тотъ день, когда послалъ царь *Давидъ*, и тотчасъ сѣлъ на свѣтлое облако и полетѣлъ, пылая, какъ пламя огненное, и прибылъ къ царю *Давиду*, когда тотъ былъ въ походѣ, предъ полночью. И сказалъ ему отецъ нашъ: „зачѣмъ ты посылаешь ко мнѣ“. Увидавъ его, царь *Давидъ* обрадовался сердцемъ о посѣщеніи его блаженнымъ старцемъ Самуиломъ, и повѣдалъ ему всѣ свои мысли, и сказалъ: „Я посылаю къ тебѣ изъ-за этого проклятаго *Измаилита*“. И сказалъ блаженный: „иди, сражайся, и побѣдишь для тебя Богъ“ и далъ ему знаменіе, которымъ онъ побѣдитъ. И обрадовался царь и поклонился Богу своему. А отецъ нашъ, сѣвъ на свѣтлое облако, вернулся въ свою пустынь до зари къ заутренѣ. И пошелъ на войну царь *Давидъ*, какъ сказалъ ему старецъ Самуиль, и когда былъ въ битвѣ между коней видѣлъ отца нашего, сидѣвшаго на духовныхъ коняхъ, пылавшаго, какъ пламя огненное и поражавшаго невѣрныхъ копьемъ честнаго креста. И удивился царь силѣ помощи блаженнаго добропамятнаго чудотворца. И побѣдивъ враговъ своихъ, царь отрубилъ голову этому проклятому *Измаилиту*, какъ далъ ему знаменіе старецъ Самуиль. И радовался царь и все воинство его, и у царя усугубилась любовь къ отцу нашему блаженному, когда онъ увидалъ чудо его. Въ другой разъ издалъ царь *Давидъ* указъ всему воинству: „готовьтесь по чину идти къ аввѣ Самуилу, иже отъ пустыни *Вали*, чтобы получить отъ него благословеніе“. И услышавъ указъ, воины обра-довались, а отецъ нашъ печалился, ибо зналъ духомъ, находясь въ пу-

стынѣ, что царь объявилъ приказъ. И блаженный молился Богу своему, говоря: „зачѣмъ это царь придетъ ко мнѣ, и ради меня будутъ гибнуть и плакать бѣдный и богатый, вдова и сирота? Господи! сотвори со мною по мудрости Твоей“. И тогда пришелъ къ нему Михаилъ славный Архангелъ и сказалъ: „миръ тебѣ, авва Самуилъ, возлюбленный Божій!“ И затѣмъ понесъ онъ его на крыльяхъ и принесъ къ царю, и они встрѣтились. И сказалъ онъ: „зачѣмъ ты заботишься идти ко мнѣ убогому?“ И сказалъ царь: „чтобы получить твое благословеніе, отче!“ И они бесѣдовали о духовномъ, а затѣмъ, какъ и раньше, сѣвъ на крылья Михаила, онъ вернулся въ свою пустынь и прибылъ къ полунощницѣ. А царь удивился, изумился и радовался, увидавъ его чудо, а утромъ объявилъ приказъ: „я встрѣтился съ аввой Самуиломъ изъ пустыни Вали, къ которому хотѣлъ идти, и получилъ отъ него благословеніе“. И дивились всѣ воины силѣ и чуду отца нашего“.

f. 67.

Одинъ братъ, дивясь воздержанію, подвигамъ и въ тоже время присутствію физическихъ силъ въ святомъ, просилъ его открыть причину этого. Онъ разсказалъ ему, какъ находясь въ пещерѣ въ землѣ *Сафъ*, онъ отошалъ и былъ близокъ къ смерти, и какъ тогда Ангелъ восхитилъ его на небо внутрь чертога, гдѣ была огненная скинія съ 12 вратами, у которыхъ стояло 12 ангеловъ съ воинствомъ ихъ. Его ввели внутрь скинии, гдѣ были всѣ святые во главѣ съ ап. Петромъ который привѣтствовалъ его, подвелъ къ Спасителю и велѣлъ поклониться Ему. Отъ Него онъ услышалъ: „о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю“... Потомъ ему принесли сладкій хлѣбъ и вино, и „отселѣ“ сказалъ онъ: „я забылъ вкусъ яствъ и всѣ пристрастія и скорби міра сего“.

f. 68.

21-го сани (15 іюня) въ день обновленія храма Богородицы, онъ кадилъ Ея образъ и плакалъ, а затѣмъ совершалъ водоосвященіе, читая „книгу молитвъ Богородицѣ“, и служилъ затѣмъ ея литургію. По окончаніи службы въ рукѣ его оказался сладкій благовонный хлѣбъ.—Вырывая однажды большой корень дерева, Самуилъ упалъ въ ровъ и разбилъ себѣ голову. Христосъ, явившись, исцѣлилъ его и съ тѣхъ поръ онъ не зналъ головной боли до дня смерти.“

f. 70.

Однажды пришли къ отцу нашему черные воины язычники, „и взяли все, что нашли, и сидѣли, роясь, какъ свиньи. Утромъ они повели его связаннаго вмѣстѣ съ ученикомъ его къ своему князю. Когда тотъ увидалъ ихъ связанными, сказалъ: „зачѣмъ вы привели этихъ бѣдниковъ—они подвизались изъ любви къ Богу“. И отвѣчали тѣ, которые привели ихъ: „по молитвамъ ихъ да будетъ намъ помощь противъ враговъ на-

шихъ“. И сказалъ отцу нашему: „мы слышали, что ты праведенъ и что львы тебѣ служатъ, и не пустимъ тебя, пока ты не покажешь намъ чуда“. И отвѣчалъ имъ чудотворецъ: „я не праведный, а чудотвореніе свойственно праведнымъ“. Они сказали: „не пустимъ тебя“. И сказалъ блаженный: „пустите меня немного, помолитесь Богу моему“. И сталъ онъ молиться и сказалъ: „не намъ, Господи, не намъ, но да не рекутъ языцы, гдѣ есть Богъ ихъ“. И тотчасъ явилось свѣтлое облако; онъ сѣлъ на него съ ученикомъ своимъ предъ ними, оно унесло его изъ среды ихъ и возвратило въ его пустынь“. Эти язычники пришли къ отцу нашему и боялись и поклонились ему. И привели къ нему своихъ дѣтей и слѣпыхъ, и онъ исцѣлялъ ихъ и оживлялъ, помазывая слюной. И не только людей исцѣлялъ онъ, но и звѣрей пустыни оживлялъ, касаясь руками.—Когда однажды собрались монахи слушать отъ него толкованіе слова Божія, онъ обличилъ одного изъ нихъ пришельца въ блудѣ въ землѣ *Ромъ* (Rom) съ язычницей и нарушенія поста въ пятокъ. Обличенный покался.—Идя съ учениками по пустынѣ для сбора кореньевъ въ пищу, онъ по молитвѣ извелъ источникъ воды для утоленія ихъ жажды.—Въ другой разъ ангелъ помогалъ ему черпать воду изъ рѣчки, когда онъ бралъ ее для своихъ учениковъ въ то время, какъ они всѣ были больны. Потомъ онъ опять скрылся было въ глубокой ровъ, но вслѣдствіе плача его учениковъ, Ангелъ велѣлъ ему вернуться къ нимъ, напомнивъ о томъ, что онъ самъ просилъ у Бога не удостоивать его участи Эноха или Илии, чтобы не пришлось ему покинуть чадъ своихъ. Когда ему явился Иисусъ Христосъ и спросилъ, что онъ хочетъ, онъ попросилъ памятованія своихъ грѣховъ и дара не видѣть чужихъ согрѣшеній.—Далѣе разсказывается о трогательныхъ заботахъ Самуила о львицѣ, родившей дѣтенышей, и объ укрощеніи имъ тигра и другихъ чудесахъ надъ звѣрями, о томъ, что „сила свыше“ носила его на „крыльяхъ свѣта пять разъ въ *Дабра-Халелуйя* (D. Hal-lujā), обитель аввы *За-Іасуса* (Za-Ijāsus) *Д. Саадѣ* (D. Sā'ādā) и *Емба дабра* аввы *Марѣви-Крестоса* (a. Marāwi-Kr.) отъ полудня до 9-го часа (3-хъ часовъ) для приобщенія Св. Тайнъ. Путь этотъ для „крѣпкаго человѣка“ изиѣрялся въ цѣлый день—съ утра до вечера. На „свѣтоносномъ облакѣ“ святой переносился въ Египетъ къ патриарху Матеею, который благословилъ его, приобщилъ Св. Тайнъ и далъ небольшой платъ и благословенный хлѣбъ. Это онъ роздалъ по возвращеніи своимъ ученикамъ.—Одному монаху, который просилъ его совѣта относительно паломничества въ Іерусалимъ, онъ предсказалъ отступничество, ожидающее его на пути и уговаривалъ не ходить. Онъ не послушался и попалъ въ руки „язычниковъ“

f. 71.

f. 72.

f. 73.

f. 74.

f. 75.

f. 76.

f. 79.

f. 80.

- f. 81. (arami), которые совратили его и женили. Монахъ заочно призвалъ Самуила, и тотъ, явившись на свѣтлой колесницѣ, взявъ его, привелъ въ область *Cupā* (Sirē) и вернулъ въ монашество. Когда однажды, придя въ *Банкуаль*, онъ сталъ служить литургію, то ангелы трубили въ 40 т. трубъ, храмъ наполнился огнемъ, Архангелы Михаилъ и Гавріиль и Іоаннъ Богословъ подавали ему облаченіе, а табогу предстали съ нимъ 12 апостоловъ; евангеліе и крестъ въ рукахъ его блистали, трепетала земля и былъ громъ; Богоматерь съ Младенцемъ явилась надъ жертвенникомъ и т. д.
- f. 82.
- f. 84. „Позвалъ отецъ нашъ одного вѣрнаго, котораго онъ любилъ, и взаимно съ которымъ видѣлъ ясно сокровенное, и сказалъ ему: сынъ мой, послужи мнѣ въ землѣ псовъ, гдѣ находится дѣвица, достойная царствія небеснаго“. И сказалъ этотъ вѣрный „отче, какъ узнать мнѣ дорогу“. И сказалъ отецъ нашъ Самуиль: „ступай къ сѣверу и Богъ поведетъ тебя, и будетъ тебѣ знаменіе: когда ты придешь туда, найдешь ее носящей сосудъ для черпанія воды. Скажетъ она тебѣ: „возьми меня съ собою ради молитвы аввы Самуила“. И получивъ приказаніе, онъ пошелъ отъ отца нашего, и когда прибылъ внутрь страны языческой, встрѣтилъ двухъ сокровенныхъ ¹⁾ изъ древнихъ отцовъ; волосы на головахъ и спинахъ покрывали ихъ, какъ одежды. И сказалъ онъ имъ, увидавъ ихъ: „куда идете, господа мои“? Они отвѣтили: „въ пустынь *Барака*, какъ повелѣлъ намъ авва Самуиль, сказавъ: „не живите въ странѣ языческой; лучше молитесь въ землѣ христіанской, поэтому мы и идемъ, какъ повелѣлъ намъ сей человекъ Божій“. И сказалъ этотъ вѣрный: „вы знаете авву Самуила?“ „Да, мы знаемъ его, и развѣ есть христіанинъ, поминающій имя Христа, который бы не зналъ Самуила“? „И такъ сказавъ, они ушли отъ него. И сказалъ этотъ вѣрный: когда я измѣрилъ слѣдъ ногъ ихъ, онъ оказался въ локоть и ладонь. И потомъ онъ пошелъ и прибылъ въ страну псовъ, а затѣмъ вошелъ въ городъ, и по волѣ Божіей встрѣтилъ эту дѣвицу, несущей сосудъ для черпанія воды; и сказала она ему: „откуда ты, пришлецъ?“ Онъ сказалъ ей: „изъ страны *Ценбелā* (*Şenbēlā*); у меня есть дѣла въ этомъ городѣ“. Она сказала: „братъ, возьми меня съ собою ради молитвы аввы Самуила, и выведи меня изъ этой чуждой страны“. Онъ сказалъ ей: „ты знаешь авву Самуила“? Она отвѣтила: „да, знаю, и я видѣла его во снѣ три ночи“. Онъ сказалъ: „не бойся; я возьму тебя къ себѣ, и ты будешь христіанкой“. Потомъ онъ взялъ ее,

¹⁾ *Sēwurān*—слово встрѣчающееся нѣсколько разъ въ данномъ житіи, повидимому для обозначенія монаховъ-отшельниковъ специально пустыни Вали; то же слово употреблено въ житіи Такла-Хайманота для той же цѣли.

и они вышли вдвоемъ. И сказала эта дѣвица: „слушай, братъ мой, наша природа устроена гнуснѣе, чѣмъ у всѣхъ чадъ смертныхъ: вмѣсто мужчинъ рождаются псы, а женщины рождаются людьми, и потомъ брачится природа песья съ природой женской. И у меня два брата—псы“. Потомъ пошли они оба ночью, и утромъ взобрались на большую смоковницу. А псы, многочисленные, какъ саранча,—топотъ ногъ ихъ какъ громъ,—лишь разсвѣло, прибыли во мгновение, грызли зубами и челюстями это дерево, на которомъ они находились; немногаго недоставало, чтобы его повалить. Такъ они пробыли до вечера, а когда наступилъ вечеръ, вернулись въ свои жилища, а по утрамъ приходили, и такъ дѣлали, пока они не вышли изъ предѣловъ ихъ и не прошли чуждой страны. Потомъ, по волѣ Божіей онъ привелъ ее туда, гдѣ былъ отецъ нашъ Самуиль и передалъ эту дѣвицу. И обрадовался отецъ нашъ, увидавъ ее, и сдѣлалъ христіанкой, и она стала монахиней и выучила 150 псалмовъ Давида, 15 пѣсней пророческихъ, пѣснь пѣсней, и „врата свѣта“ и веѣ похвалы Владычицы нашея Маріи—все это въ 40 дней она окончила. И чрезъ короткое время она сокрылась съ „сокровенными“. Молитва ея и благословеніе да будутъ съ нами. Аминь.

Послѣ новаго обращенія къ слушателямъ начинается послѣдняя часть житія—повѣствованіе о кончинѣ святого. Архангелъ Михаилъ постоянно взносилъ его на небо, гдѣ онъ служилъ вмѣстѣ съ небожителями, но предъ кончиной онъ былъ удостоенъ особеннаго восхищенія въ небесный Іерусалимъ. Разсказъ объ этомъ ведется съ его словъ. Описывая свѣтоносные небесные чертоги, онъ, между прочимъ, говоритъ, что видѣлъ тамъ имена, написанные свѣтоносною тростью и изваянія, сдѣланныя свѣтоноснымъ рѣзцомъ; здѣсь же стояли престолы, и среди нихъ одинъ, наиболѣе высокій съ тремя вѣнцами изъ жемчужинъ и царской діадемой. Ангелъ объяснилъ, что имена и изваянія принадлежатъ тѣмъ, которые будутъ чтить память его, а престоль и вѣнецъ предназначены для него самого; одинъ вѣнецъ—за дѣвство, другой—за постъ и подвиги, подъятые изъ любви къ Богу, третій—за отверженіе міра. Чертогъ, въ которомъ это находилось, казался въ 12 дней пути, престоль—въ два царскихъ стана, вѣнцы—какъ радуга. Потомъ Самуила повели на высокую гору и показали красоты рая, затѣмъ ввели во внутренній чертогъ для поклоненія Іисусу Христу, Который далъ ему «завѣтъ» 16-го числа мѣсяца нахсе. Послѣ этого видѣнія Самуиль заболѣлъ. Его окружили ученики и стали читать Евангеліе отъ Іоанна. Когда дошли до бесѣды съ Самаряныней, святой увидалъ Спасителя, стоявшимъ и помогавшимъ въ чтеніи. Встрѣтить

f. 85.

f. 86.

f. 87.

f. 88.

f. 89.

f. 90.

f. 91.

f. 92.

f. 93. душу Самуила вышли ангелы, святые, Богоматерь; принял ее Самъ Спаситель. Это было 12-го тахсаса (8 декабря) во вторникъ въ девятомъ часу. «Въ сороковой день поминовения его собрались всѣ «сокровенные» (sewuran), которые были во плоти изъ всѣхъ странъ. Имена ихъ: Гонорій, іерей изъ *Церха-Сіона* (Serha-Sjon), Андрей, діакопъ изъ *Вайлака* (Wajlakā), За-Микаэль и Андрей изъ пустыни *Буръ* (Za-gadāma Bur), Іоаннъ, монахъ изъ страны *Талазагъ* (Talāzag), и другіе sewuran собрались въ безчисленномъ количествѣ. И снова они собрались въ день преставленія его, какъ небесные бодрствующіе, чтобы совершить бракъ въ честь его праздника, ибо онъ былъ дѣвственъ и непороченъ. И сошелъ свѣтъ и освѣтилъ мѣсто вокругъ горы, и тѣ, которые собрались туда изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ, были всѣ запечатлѣны даромъ Святаго Духа. Отецъ нашъ Самуилъ успокоился, будучи 100 лѣтъ отъ роду».

Синаксарное житіе имѣетъ противъ только-что изложеннаго особенности. Прежде всего оно говоритъ, что Самуилъ ушелъ въ монастырь уже послѣ смерти родителей, а перешелъ въ другой (вѣроятно Вайна), когда къ нему прибыли „родичи“ (azmādihu); во время чудесной перенравы съ нимъ былъ „огонь“, который не погасъ; жизнь въ Банкуалѣ рассказана иначе, не говорится о пещерѣ въ землѣ Сафъ, ни о сношеніяхъ съ царемъ и патриархомъ, ни о „псахъ“. О спасеніи „отроковицы“ изъ ихъ страны, впрочемъ упоминаетъ присоединенный къ житію саламъ. Отличія довольно существенны; допустившій ихъ или писалъ житіе по памяти, или пользовался другой редакціей; послѣднее вѣроятнѣе. Не интересуясь данными о сношеніяхъ святаго съ царемъ и патриархомъ, синаксарное житіе оставляетъ безъ вниманія и географическія опредѣленія; если бы не имя Мадханина Эгзіэ, то можно было бы сказать, что оно въ синаксарѣ представлено внѣ времени и мѣста¹⁾. Къ сожалѣнію, географическія данныя, на

¹⁾ Приводимъ это синаксарное житіе Самуила Вальдебскаго:

„12-го тахсаса. Преставленіе аввы Самуила Вальдебскаго. Имя отца сего святаго—Стефанъ; матери—Амата-Марьямъ. Они были изъ хорошаго рода и родили сего святаго въ области Абсума. Когда онъ подростъ, научили его

которыя не скупится пространное житіе, для насъ въ большинствѣ случаевъ непонятны. Конечно, Банкуаль, Халелуя, Цаада (вѣроятно Цаада-Амба въ Агаме)—извѣстные тиграйскіе монастыри, Вальдеба (по синаксарю) и Вали (по пространному житію)—также область, не нуждающаяся въ ближайшемъ опредѣленіи; „страну Сафъ“, я полагаю, можно искать гдѣ-либо къ югу или юго-западу отъ этой области въ виду того, что пріобщать Самуила приходили сюда съ сѣвернаго острова оз. Цана—Галила. Но гдѣ находились: обители Вайна и Лагасо, страны Ромъ, Барзала, Ценбело, Талазагъ? Пустыня Барака вѣроятно тождественна съ той, куда по синаксарю удалился и скрылся навсегда авва Губа, одинъ изъ

писаніямъ церковнымъ. Когда умерли его отецъ и мать, онъ ушелъ въ Дабра-Банкуаль къ аввѣ Мадханина-Эгзіэ, облекся одѣяніемъ монашества и жилъ, подвизаясь постомъ и молитвою; не вкушая ничего, кромѣ гнилыхъ овощей и гнилой воды, онъ служилъ монахамъ, какъ мельникъ, и носилъ воду. Когда пришли къ нему родичи, онъ ушелъ въ другое мѣсто, гдѣ подвизался постомъ и молитвою, стояніемъ и поклонами, такъ что онѣмѣли его ноги. Отсюда пошелъ онъ въ пустынь и жилъ 40 дней и 40 ночей безъ пищи. Приходили къ нему львы и пантеры и всякіе страшные звѣри, поклонялись ему и лизали прахъ ногъ его. Однажды, когда онъ шелъ по пути, прибылъ къ потоку, полному воды. И были съ нимъ книга и огонь. Сотворивъ молитву, вошелъ онъ въ воду; вода поглотила его и бросила внизъ, а затѣмъ когда силою Божіей возвратила назадъ, онъ нашелъ огонь не погасшимъ и книгу—невредимой. Сатана искушалъ его, принимая различные образы страшныхъ звѣрей, но онъ не боялся, ибо связано было помышленіе его надеждой на Бога своего. Когда авва Самуилъ молился, явился ему Господь нашъ Іисусъ Христосъ и запечатлѣлъ всѣ члены его слюной своей. И онъ исполнился силы, и отъ того дня онъ связалъ ноги свои, одѣлся въ милоть, и каждую ночь входилъ въ воду и доводилъ псалтирь Давида до конца пять разъ, и бичевалъ спину свою безчисленное множество разъ. Львы паслись въ его пещерѣ, какъ овцы; однихъ изъ нихъ онъ кормилъ, другимъ подрѣзалъ раны и извлекалъ изъ нихъ занозы. Потомъ присоединились къ нему многіе ученики; первый изъ нихъ авва За-Руфаэль. Однажды онъ встрѣтился съ аввой Габра-Маскаль изъ Дабра-Лагасо—они только тогда и видѣлись—и они провели день, бесѣдуя о величій Божіемъ. Когда въ часъ обѣда они сотворили молитву, спустился имъ съ неба столъ; они ѣли и благодарили Бога. Затѣмъ, однажды, онъ встрѣтился съ однимъ пустыникомъ, и когда они начали бесѣдовать о величій Божіемъ и тайнахъ, которыя Онъ сотворилъ имъ, сказалъ отецъ нашъ Самуилъ: и вотъ 12 лѣтъ мнѣ,

деяти преподобныхъ ¹⁾, и которая находилась, по всей вѣроятности, на рѣкѣ того же имени на самомъ сѣверѣ Абиссиніи и даже внѣ ея предѣловъ, что вполне соотвѣтствуетъ сѣверному положенію „страны псовъ“.

Интересуясь главнымъ образомъ легендарной и чудесной стороной, житіе намъ ничего не говоритъ о вальдебскомъ монашествѣ, столь интересномъ во многихъ отношеніяхъ, ни о дѣятельности святого, какъ его наставника и устроителя. Только изъ житія Такла-Хайманота мы можемъ узнать ²⁾, что не онъ былъ его насадителемъ здѣсь и что оно существовало здѣсь уже давно. Но относясь безъ должнаго интереса къ исторической обстановкѣ, житіе все-таки имѣетъ несомнѣнную важность въ историческомъ отношеніи. Его хронологія совершенно правильна: царь Давидъ I (1380—1409) былъ дѣйствительно современникомъ, какъ этой третьей генераціи преподобныхъ, такъ и коптскаго патріарха Матеея I (1375—1409). Но этого мало, житіе даетъ намъ о Давидѣ свѣдѣнія, хотя быть можетъ и не точныя, но все же, если не считать глухихъ намековъ въ синаксарѣ на день памяти этого царя ³⁾, единственныя пока въ эіопской письменности о военныхъ

когда я стоялъ на тверди и кадилъ престолъ Божій съ 24 старцами небесными“. Когда онъ вышелъ служить литургію спустились ему съ неба хлѣбы и чаша, и когда пѣлъ „похвалы Владычицы нашей Маріи“, поднимался на локоть отъ земли, и явилась ему Владычица наша Св. Дѣва Марія и дала сіяющую жемчужину и чистое кадило. Когда приблизилось время преставленія его, явился ему Михаилъ Архангелъ, взялъ на свои крылья, показалъ всѣ сладости небеснаго Іерусалима и привелъ предъ престолъ Божій, гдѣ онъ получилъ завѣтъ относительно тѣхъ, которые будутъ призывать имя его и творить память его. Потомъ онъ возвратился на свое ложе и разсказалъ ученикамъ своимъ все видѣнное, а затѣмъ почилъ въ мирѣ. Молитва и благословеніе его да будутъ со списателемъ его во вѣки вѣковъ.

¹⁾ Saretto, Viaggio e missione, p. 410. Авторъ отождествляетъ эту страну съ Барка къ з. отъ Богосъ; это дикая горная и лѣсная область; *ibid.*, p. 153.

²⁾ См. стр. 90.

³⁾ Синаксарь на 9 текемта (6-го октября) для царя Давида содержитъ только замѣтку: „успение Давида, царя Эіопскаго“, который именуется „вѣяло нечестивыхъ“ и „Стѣна адамантовая“. (Dillmann, Catal. Bodl., p.

подвигахъ его. Хроника о нихъ не упоминаетъ и говоритъ только о перенесеніи въ его царствованіе части Животворящаго древа ¹⁾, между тѣмъ, Макризидъ повѣствуетъ о войнахъ его съ мусульманами, окончившихся тѣмъ, что силы мусульманъ упали, хати и амхарцы, сдѣлавшись господами страны, населили ее, и изъ разрушенныхъ храмовъ православныхъ построили христіанскихъ церквей ²⁾. Побѣда, которую имѣетъ въ виду житіе, вѣроятно, тождественна съ той, въ которой палъ эмиръ Мохаммедъ. Макризидъ не говоритъ болѣе подробно объ его смерти, и мы не знаемъ, былъ ли онъ убитъ въ сраженіи, или, какъ передаетъ житіе, Давидъ велѣлъ отрубить ему голову. Относитъ побѣду абиссиновъ, упоминаемую въ житіи, къ знаменитой осадѣ Зейлы и убіенію Саадъ-Эддина я не рѣшаюсь въ виду того, что въ ней предводительствовалъ не царь, а его полководецъ „Баруа“.

Исторія родителей святого имѣетъ интересъ въ бытовомъ отношеніи, а такія сказанія, какъ путешествіе въ страну „псовъ“—въ культурно-историческомъ, и еще разъ доказываетъ низкій уровень географическихъ свѣдѣній абиссиновъ даже относительно странъ, примыкающихъ къ ихъ государству.

Современницей этого святого была Соломія изъ Вараба, ушедшая отъ брака и послѣ скитаній направленная Богомъ въ Дабра-Либаносъ, гдѣ ее постригъ Іоаннъ Кама, который былъ, какъ извѣстно, шестымъ по времени настоятелемъ этой обители ³⁾. Краткая синаксарная замѣтка объ этой подвижницѣ

41 п. х.). Далѣе слѣдуетъ пять стиховъ салама, ублажающихъ царя за его милосердіе къ должникамъ. Переводъ см. у Basset, Études sur l'histoire d'Éthiopie въ *Journ. Asiat.* 1881, II, p. 131 n. 91.

¹⁾ Basset, Études sur l'histoire d'Éthiopie. *Journ. Asiatique* 1881, I (VII, 17), p. 325.

²⁾ Macrizi, *Historia regum islamicorum in Abyssinia*, ed Rinck, p. 22—26.

³⁾ Conti Rossini (Appunti ed osservazioni *Redic. Accad. Linc.* IV, 460 sq.) ищетъ свѣдѣній о немъ въ агиологической литературѣ. Помѣщенъ ли онъ

интересна и тѣмъ, что отсылаетъ читателя къ пространной „книгѣ подвиговъ“ (mashafa gadl) ея. Такимъ образомъ и ея житіе существуетъ въ пространной редакціи. Къ сожалѣнію, въ европейскихъ бібліотекахъ, насколько мнѣ извѣстно изъ печатныхъ каталоговъ, его не имѣется.

Царь Θεодоръ I.

Житіе царя *Θеодора I* извѣстно въ двухъ синаксарныхъ редакціяхъ. Сапето ¹⁾ привелъ одну по списку Бизанскаго монастыря, другая сообщена по парижскому списку Бассе ²⁾; по гёттингенскому и другимъ—Дюнсингомъ ³⁾. Послѣдній уже обратилъ вниманіе на то, что обѣ редакціи совершенно различны; единственно, что въ нихъ обще—это рассказъ о чудѣ при перенесеніи его тѣла (разступились воды р. Хаваша). Даже добродѣтели его переданы различно: въ бизанскомъ спискѣ его ублажаютъ за то, что онъ былъ „православенъ, праведенъ, подавалъ милостыню бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ и монахамъ, и расточалъ золото и серебро дворца, ради Христа“; въ другихъ говорится, что онъ „отъ юности былъ воспитанъ въ премудрости и наказаніи, изучилъ всѣ писанія церковныя, а потомъ уже верховную ѣзду и стрѣльбу изъ лука, такъ что сдѣлался мужемъ сильнымъ. Отъ юности онъ былъ связанъ любовію къ Богу и расточалъ имѣніе бѣднымъ и убогимъ,

въ святцы, я не знаю: житіе въ берлинской декабрьской четы-миней От. 117 и строфа въ „Egziabher nagasa“, на которыя указываетъ Конти Россни *несомнѣнно* имѣютъ въ виду знаменитаго египетскаго подвижника Іоанна Кама („Чернаго“), память котораго 25 хойака=тахсаса (21 декабря). Подъ этимъ числомъ см. его житіе у Wüstenfeld, Synaxarium, 198. Такимъ образомъ наименованіе въ честь его эіопскаго архимандрита нѣсколько напоминаетъ латинское „Joannes Baptista“ (итал. „Giambattista“) и армянское „Карапетъ“.

¹⁾ Viaggio e missione fra i Mensa etc. p. 437—8.

²⁾ Études sur l'histoire d'Éthiopie note, 95.

³⁾ Liefert etc. p. 42.

пекся о храмахъ, подвизался постомъ и молитвою, былъ женатъ только на одной женѣ, не дѣлалъ никому неправды и притѣсненій“. Далѣе рассказывается, что онъ желалъ идти въ Іерусалимъ, но авва Маркъ отсовѣтовалъ ему. Кто былъ этотъ „авва“ Маркъ? Естественнѣе всего видѣть здѣсь митрополита, хотя терминъ „авва“, а не „абунъ“ даетъ право думать о какомъ-нибудь простомъ подвижникѣ, пользовавшемся авторитетомъ у Θεодора такъ же, какъ нѣкогда Пантелеимонъ—у Калеба. Если въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ митрополитомъ, то въ спискѣ послѣднихъ „авва Маркъ“ стоитъ 18-мъ по редакціи, обозначенной въ работѣ проф. Гвиди ¹⁾, какъ первая, и которая имѣетъ болѣе признаковъ достовѣрности. Этотъ Маркъ названъ непосредственно предъ тремя іерархами, прибывшими въ царствованіе Зара-Якоба. Въ такомъ случаѣ Вареоломей, упоминаемый въ „Книгѣ свѣта“, какъ митрополитъ эіопскій при царѣ Исаакѣ (1412—1427) ²⁾, будетъ Вареоломеемъ III, отличимъ отъ современника Сайфа-Арада. Дѣйствительно, столь продолжительное пребываніе на каѳедрѣ св. Фрументія (по самому умѣренному расчету 1370—1415) едва ли возможно.

Отличаясь другъ отъ друга, обѣ синаксарныя редакціи не сходятся и съ официальной хроникой ³⁾. Разногласятъ они уже прежде всего въ томъ, что сообщаютъ о царѣ коекакія свѣдѣнія въ то время, какъ она категорически заявляетъ: „о немъ ничего неизвѣстно“. Житіе по бизанскому списку знаетъ, что онъ скончался въ области пустынной, Адалѣ, и оттуда былъ перенесенъ, вѣроятно, въ Тадбаба-Марьямъ, гдѣ по другимъ редакціямъ истекъ у его гроба источникъ воды живой, „существующій доселѣ“. О походахъ царей эіопскихъ въ Адалъ въ это время мы ничего не знаемъ. Это было

¹⁾ Le liste dei Metropoliti d'Abissinia. Roma 1899.

²⁾ Dillmann, Ueber die Regierung... etc. Zara-Jacob, p. 43.

³⁾ Basset, Études etc. *J. As.* VII, 17 (1881), p. 325.

время затишья послѣ Давида. Вѣроятно Θεодоръ ѣздилъ туда и для возстановленія церквей и укрѣпленія христіанства. Далѣе византское житіе противорѣчитъ хроникѣ, говоря, что Θεодоръ „не исполнилъ и одного года, сидѣлъ 9 мѣсяцевъ и умеръ“... По хроникѣ онъ царствовалъ три года. Очевидно агіобіографы имѣли подѣ руками не тѣ источники, которыми пользовался лѣтописецъ, а какія-нибудь мѣстные преданія (въ родѣ того, которое соединялось съ источникомъ у гроба царя) и легенды ¹⁾.

Габра-Эндрейсѣ.

Житіе имѣется лишь въ одной рукописи Orient. 702 Британскаго Музея, гдѣ занимаетъ ff. 168 v — 182 ²⁾, на четвертомъ мѣстѣ, послѣ житій Евстаѳія, Исаака-Гаримы и Авива. Рукопись поздняя, XVIII вѣка, при чемъ данное житіе написано позже другихъ и болѣе небрежно.

f. 168. Житіе начинается обычнымъ введеніемъ о родителяхъ святаго: Тансаэ-Крестоса и Арсимы изъ города *Дамбеге* (*Dambëgë*) и ихъ праведности и милосердія къ бѣднымъ. Рожденіе сына ихъ обрадовало; они его представили

f. 169. „къ ковчегу завѣта Божія и нарекли Нефеалимомъ. „По достиженіи отрочества отдали на ученіе аввѣ Саламѣ, который, провидя его жизнь, посадилъ на колѣни, сказалъ: „будь пользой для многихъ людей“, и возложилъ монашескую одежду. Затѣмъ онъ научилъ его псалтири, пѣснямъ пророческимъ и толкованію писаній, а также охотѣ на звѣрей. По окончаніи ученія, родители, посоветовавшись съ Саламой, женили его, и онъ до рукоположенія (вѣроятно діаконскаго) прижилъ со своей женой пятерыхъ дѣтей; послѣ чего онъ сталъ жить съ ней, какъ съ сестрой, а увидавъ однажды

f. 170. во снѣ, что онъ облачается въ монашескую одежду 3-го тахаса (29 де-

¹⁾ Къ имени Θεодора вообще приурочивались разныя сказанія, напр., о секуляризаціи такла-хайманотовской трети, или странный трактатъ „Fekâgê 'Ijâsus“ (толкованіе Иисуса), въ которомъ имя Θεодора будетъ носить какой-то легендарный царь будущаго золотого вѣка предѣ вторымъ пришествіемъ. См. еще у Bruce, Vogage etc. IV, 99.

²⁾ Wright, Catal., p. 185 (№ CCLXXVIII, 4).

кабря), воскликнулъ: „міръ—брененъ, его желаніе бренно, ибо все бренно, а творящій волю Божію пребываетъ во вѣки“, и покинувъ семью и родныхъ, пошелъ въ *Дабра-Козатъ* (*Dabra-Qozat*) къ аввѣ Габра-Крестосу, рассказалъ свой сонъ и постригся подѣ именемъ Габра-Эндрейсѣ. До самой кончины Габра-Крестоса онъ былъ его послушнымъ ученикомъ; предѣ смертью послѣдній посадилъ его на своемъ сѣдалищѣ и поставилъ вмѣсто себя пастыремъ агнцевъ и овецъ. „И пасъ ихъ блаженный, уча вѣрѣ и назирая съ жезломъ, п наставляя страху Божію во всякое время“.

f. 171.

Дальнѣйшій рассказъ ведется въ видѣ перечня „чудесъ“; преподобный ходитъ по различнымъ, трудно локализуемымъ монастырямъ, совершаетъ аскетическіе подвиги и удостоивается явленій. Такъ въ пустыни *Квескваской* ему явилась Божія Матерь и дала три чаши „живой воды“ для испѣленій; и онъ испѣлилъ такимъ образомъ глухого и слѣпого въ *Дабра-Козатъ*. Когда онъ вошелъ въ озеро, нося большой камень на шеѣ „котораго не могли поднять двое“ и молился среди озера 40 дней, и въ 36 день „явился ему Духъ Святый въ видѣ молніи и почилъ на головѣ его“... И у него выросли крылья, и онъ поклонился Св. Троицѣ въ одинъ день 770 разъ. Придя въ *Дабра-Козатъ* изъ *Дабра-Замоса*

f. 172.

(*D. Zamösä*), захворалъ, но былъ испѣленъ явленіемъ Архангеловъ Уриила и Рафаила, а также Мельхиседека. Ангелы затѣмъ восхизали его на „небо небесъ“, показывали тамъ тайны Троицы, семь путей грѣшниковъ и путь „жизни“, вводили въ Іерусалимъ небесный, гдѣ онъ пріобщался изъ руки Серафима „и былъ наставникомъ бодрствующихъ небесныхъ и святыхъ“. Когда онъ находился въ пустынѣ и молился среди воды, явился ему опять Духъ Святый въ видѣ голубя, который все время сидѣлъ у него на лонѣ во время совершенія литургіи и по окончаніи ея облобызалъ его. 27 нахсе (20-го іюля) явился ему Архангелъ Михаилъ и послалъ въ пустынь *Баска* (*Basqä*) „искать челоуѣка Божія“. Тамъ онъ нашелъ авву Михея умершимъ, причемъ львы копали ему могилу. Габра Эндрейсѣ похоронилъ тѣло почившаго вмѣстѣ съ его братомъ Викторомъ въ церкви. Когда онъ пошелъ отсюда въ *Квесквасъ*, левъ сопровождалъ его, а по возвращеніи въ *Козатъ*, святой вышелъ въ пустыню и вошелъ въ воду, гдѣ постился 40 дней и удостоился явленія Св. Троицы 12-го нахсе (5-го іюля) въ третій часъ. Изъ *Козата* его опять послалъ Арх. Михаилъ въ пустынь *Бакуэло-Сабара* ? (*Baquëlo-Sabara*), Облако переноситъ его въ одинъ часъ въ область *Мариэ* (*Marî'*), гдѣ онъ застаетъ кончину блаженнаго аввы Виктора. Онъ погребаетъ его при помощи того же льва, причемъ находитъ 347 костей праведниковъ. Отсюда облако уноситъ святаго въ

f. 173.

f. 174.

f. 175.

f. 176.

- f. 177. *Дабра-Замога* (Zamoga); а отсюда онъ идетъ въ Дабра-Козатъ и *Дабра-Сина* d. Sinā („гора Синайская“), гдѣ удаляется въ затворъ и сподобляется видѣнія Божіей Матери съ Арх. Михаиломъ и Гаврииломъ, Иоанномъ Богословомъ („сыномъ Громовымъ“), Георгіемъ Побѣдоносцемъ („Лидскимъ“), Ливаніемъ и всѣмъ соборомъ Ангеловъ. Возвращаясь отсюда въ *Козатъ*, встрѣчаетъ на пути грѣшницу, которая проситъ у него постриженія, но скрываетъ свои грѣхи „ибо они смертны“. Въ наказаніе ее убиваетъ тигръ. Въ Козатѣ къ нему прибѣгаетъ тигръ, утѣсняемый львомъ. Святой выходитъ изъ своего затвора, ударяетъ рукой и укоряетъ льва, который проситъ у него прощенія. Когда онъ опять былъ въ *Дабра-Сина*, къ нему явились девять преподобныхъ въ день его Ангела („ради праздника имени его“ 4-го тахсаса—30-го ноября). „Они возлежали съ нимъ, и облобызавшись, возвратились въ свой городъ — Иерусалимъ небесный“. Габра-Эндрейсъ пошелъ въ *Дабра-Аласкуръ* (D. Alaskur), гдѣ во время молитвы въ церкви Арх. Михаилъ подалъ ему золотую сіящую корзину съ „хлѣбами жизни“ для того, чтобы онъ „питался ими всѣ дни жизни своей“. Находясь затѣмъ въ *Дабра-Хаива* (d. Hagūā), онъ молился, стоя подъ кедровымъ деревомъ и увидалъ демона „мрачнаго и отвратительнаго вида“, который въ него цѣлился. Святой осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и поднялъ десницу, схватилъ за волоса и повергъ на землю. „И умеръ онъ тотчасъ, а ростъ сего злого духа было 40 локтей“. Потомъ онъ вернулся въ *Козатъ* и опять молился среди озера. Здѣсь пришла къ нему женщина изъ города *Сенъ* (Sēn) и просила крестить ее, что онъ и исполнилъ. Затѣмъ онъ пошелъ въ городъ *Замдъ* (? Zamēd), гдѣ долго молился въ церкви до утомленія. Тогда Арх. Михаилъ вручилъ ему золотой жезлъ въ видѣ креста, и онъ сталъ силенъ „какъ камень адамантъ во всѣ дни жизни своей“. По возвращеніи въ *Козатъ* „онъ былъ посѣщенъ аввой Иоанномъ изъ *Дабра-Дамбегъ* (D. Dambēgē). „Они обнялись и проводили время, бесѣдуя о божественномъ. Когда наступилъ 9-й часъ дня, встали на молитву и пошли въ церковь святую, чтобы служить литургію. И попросилъ авва Иоаннъ блаженнаго и святого авву Габра-Эндрейса, и тотъ облачился въ одѣяніе священства и сталъ служить литургію. И когда сказалъ: „воистину полны суть небеса и земля свещенія славы Твоя“, сошелъ Духъ Святый въ видѣ бѣлаго голубя и зачерпнулъ (?), чтобы освятить дары, и сѣлъ на дискосъ. И поколебалась св. трапеза, и поднялся покровъ, и наполнилась чаша вина божественнаго до края своего. Блаженный и святой авва Габра Эндрейсъ, созерцая все бывшее, и какъ освятились дары схожденіемъ Св. Духа, весьма радовался
- f. 178.
- f. 179.
- f. 180.

и веселился. А блаженный авва Иоаннъ, приобщившись, вернулся въ соую келью“. Послѣ сего Габра-Эндрейсъ опять идетъ въ *Дабра-Сина*, гдѣ творитъ чудеса, исцѣляя больныхъ и воскрешая мертвыхъ. Днемъ онъ поетъ псалмы Давида и Соломона и похвалы Маріи съ часами и четверо-евангелиемъ и творитъ днемъ и ночью по 600 поклоновъ. Стоялъ онъ и въ водѣ 46 четырехдесятицъ, нося камень на шеѣ, и еще 46 четырехдесятицъ постился въ пустынѣ, такъ что всѣхъ постовъ его было 92 четырехдесятицъ, не пилъ онъ ничего и не носилъ тонкихъ одеждъ, но одѣвался въ кожу тельца, не употреблялъ подстилокъ и не ложился на правый бокъ, и такъ прожилъ 38 лѣтъ. Предъ кончиной ему является Господь Иисусъ Христосъ и обращается съ обычными въ этихъ мѣстахъ житій словами: говорить о воздаяніи за труды и полагаетъ „завѣтъ“ относительно почитающихъ память святого списываніемъ и толкованіемъ житія его и дѣлами милосердія, до третьяго рода. Послѣ тяжкой болѣзни слѣдуетъ тихая кончина святого, котораго встрѣчаютъ соборы святыхъ и ангеловъ, неся покрывала, держа кадила и печати. Его возносятъ на небо небесъ, предъ престолъ Божій, во Иерусалимъ небесный, садятъ на престолѣ высокомъ и перевознесенномъ „рядомъ съ престоломъ Петра патріарха (liqa-pāpāsāt)“.

f. 181.

f. 182.

Мы помѣщаемъ это житіе въ данную группу только потому, что находимъ въ немъ два упоминанія, которыя могутъ, хотя и не безусловно, быть основами для его хронологіи. Авва Салама, предрекшій мальчику Невѣалиму святость, вѣроятно, митрополитъ Салама III, о которомъ намъ уже неоднократно приходилось говорить. Авва Иоаннъ изъ Дабра Дамбеге, посѣтившій Габра-Эндрейса, вѣроятно, тождественъ съ упомянутымъ въ монашеской дабралибаносской генеалогіи, изданной Reggichon ¹⁾. Замѣчу, что этого мѣста издатель совершенно не понялъ и далъ невѣрный переводъ. Его слѣдуетъ понять такимъ образомъ: „не думайте, что (всѣ) родившіеся (въ монашествѣ) въ землѣ Эѳіопской, благословлены рукою отца нашего Тагла-Хайманотѣ, но отъ чреслъ Дабра-Либаноса рукою отца нашего Иоанна Камѣ—авва Бакимосъ; рукою аввы Вик-

¹⁾ Zeitschrift für Assyriologie, XII, 406.

тора дамбійскаго — Такла-Хаварьятъ ¹⁾ изъ Габарма и авва Цага-Крестось изъ Туля, авва Иоаннь изъ Дамбегэ "... Выше въ томъ же текстѣ эти четыре монаха названы такъ: Бакимосъ изъ Шами, Викторъ изъ Дабѣ, Такла-Хаварьятъ изъ Габарма, Иоаннь изъ Бегамедра ". Викторъ, постригшій Иоанна ²⁾, вѣроятно былъ современникомъ Иоанна Кама, т.-е. жилъ въ концѣ XIV в., что вполне согласно съ датой воспитанія его друга митрополитомъ Салама III.

Такимъ образомъ опредѣляется время жизни Габра-Эндреяса. Изъ упоминанія Иоанна въ числѣ дабралибаносцевъ слѣдуетъ заключить, что монастырь Дамбегэ, мѣсто рожденія святого, принадлежалъ къ ихъ братству и что онъ самъ, по крайней мѣрѣ, стоялъ къ нему близко. Параллелизмъ текстовъ даетъ намъ возможность знать, что это Дамбегэ, не найденное ни на одной картѣ, лежало въ Бегамедрѣ, т.-е. на востокъ отъ оз. Цана. На самомъ берегу, или на островѣ его оче-

¹⁾ Вѣроятно его житіе имѣется въ коллекціи d'Abbadie за № 63 (Catalogue rais., p. 74) на 45 листкахъ. То, что святой названъ уроженцемъ Энарэта въ Шоа, не противорѣчитъ приведенному нами тексту: Габарма могла быть мѣстомъ его монашескихъ подвиговъ или именемъ обители. Излишняя краткость каталога d'Abbadie и его скупость на выдержки изъ своихъ рукописей лишаетъ насъ и на этотъ разъ возможности узнать что-либо болѣе обстоятельное о Такла-Хаварьятъ, напр. о времени его жизни. Саламъ, помѣщенный въ синаксарѣ подъ 27 хедара, также не даетъ на этотъ счетъ никакихъ указаній: онъ говоритъ только о какомъ-то чудѣ святого, которое, при отсутствіи болѣе обстоятельныхъ и менѣе витиеватыхъ текстовъ, для насъ непонятно.

²⁾ Впрочемъ въ первой половинѣ текста всѣ четыре монаха названы вмѣстѣ, и не говорится о постриженіи ихъ Викторомъ. Въ приводившейся нами неоднократно дабралибаносской генеалогіи по парижской рукописи № 137 это мѣсто читается такъ: „имена монаховъ, родившихся отъ чреслъ Дабра-Либаноса и бывшихъ ставленниками (pëbügäna—ëd): авва Бакимосъ, набредъ Шама, авва Викторъ—Дабра-Дибэ, авва Такла-Хаварьятъ—Габарма, авва Иоаннь—Дамбегэ и Завака“. Не является ли „рукою“—,baëda“ во второй половинѣ текста, изданнаго Reggichon, результатомъ непонятаго набрëd? Если такъ, то всѣ возводятся къ Иоанну Кама, а Иоаннь оказывается благочиннымъ Дамбегэ. Возможно, что упоминаемый въ житіи Габра-Эндреяса Викторъ (f. 175) тождественъ съ „Викторомъ дамбійскимъ“.

видно находился монастырь Козатъ, главное мѣсто подвиговъ святого, который странствовалъ по обителямъ къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ озера. Обителей этихъ мы локализовать болѣе точно не имѣемъ возможности, кромѣ Дабра-Сина, Квесквама и Замога (Замоса). Имя „Дабра-Сина“ („Гора Синайская“) носитъ въ Абиссиніи нѣсколько монастырей, напр.: въ Хамасенѣ, въ Лалибалѣ, къ югу отъ Такады въ области Мекетъ. Послѣдній могъ имѣться въ виду въ нашемъ житіи, хотя возможно существованіе и другого „Dabra-Sinā“. Положеніе Квесквама, этой окрестности Гондара, достаточно извѣстно, и вполне соответствуетъ географіи житія. Что касается Замога, то подъ этимъ именемъ на картахъ Абиссиніи значится городъ на р. Саламѣ къ югу отъ г. Магвина, т.-е. опять-таки къ сѣверу отъ озера Цана и Гондара. Интересно, что орографіи Замога и Замоса, встрѣчающіяся въ житіи, смѣшиваются и на картахъ: однѣ, подобно приложенной къ „Les douze ans“ d'Abbadie даютъ первую, другія (напр. Пертеса)—вторую.

Габра-Эндреясъ былъ чистымъ типомъ подвижника-скитальца, умерщвлявшаго плоть. Потому житіе его, интересное съ географической стороны и въ культурно-историческомъ отношеніи, не даетъ указанія на политическую жизнь своей эпохи. Мы можемъ изъ него только почерпнуть указаніе на обиліе монастырей и сильное развитіе монашества въ области, столь близкой къ западнымъ предѣламъ Абиссиніи уже въ XIV вѣкѣ. Интересная замѣтка о томъ, что святой нашелъ 347 костей „праведныхъ“ (f. 176), наводитъ насъ на предположеніе, не были ли это кости жертвъ сумасбродствъ Сайфа-Арада, о которыхъ мы читаемъ, между прочимъ, въ житіи Филиппа, или моровыхъ повѣтрій, опустошившихъ монастырь Аарона?